

Светлана Бестужева-Лада

*История
России
в лицах*

Книга вторая

Светлана Игоревна Бестужева-Лада
История России
в лицах. Книга вторая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17103844
ISBN 9785447442477

Аннотация

Сборник исторических миниатюр о знаковых фигурах России. Может быть рекомендована для внеклассного чтения в старших классах средней школы или колледжей.

Содержание

Принцесса из Альбиона в Киевской Руси	5
Защитник рубежей России	26
Кремлевская деспина	45
Любезная в царицах Ирина	70
Катерина-матка	89
Анна Первая	119
Самобытный сподвижник просвещения	135
Победителей не судят	164
Конец ознакомительного фрагмента.	177

История России
в лицах. Книга вторая
Светлана Бестужева-Лада

© Светлана Бестужева-Лада, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Принцесса из Альбиона в Киевской Руси

Нет, видно, миновали времена сакского господства в Альбионе. Последний великий король саксонцев – Гарольд II – пал в бою с Вильгельмом Завоевателем. О, про битву при Гастингсе еще долго будут складывать баллады и легенды. Еще долго саксы будут считать себя единственными настоящими хозяевами в Англии. Но вот вернуть английский престол потомкам знаменитого короля так и не удастся. Пять сыновей Гарольда так и не достигли подходящего возраста. А из двух дочерей одна ушла в монастырь, а вторая...

Жизнь принцессы Гиты поделилась на три неравные части. По смутным воспоминаниям детства, проведенного в королевском дворце ее отца, мать – прекрасную Эдит – она видела только изредка, но все говорили, что девочка унаследовала от невенчанной супруги короля ее красоту: зеленые глаза, белокурые пышные волосы, стройные стан и шею. А от отца – тягу к наукам и недевичий ум.

Детство кончилось, когда пришла страшная весть о гибели короля при Гастингсе. Маленькую принцессу посадили на огромный корабль и отправили в далекую Данию к августейшим родственникам – королю Свену и его супруге коро-

леве Елизавете. Там, в величественном замке, прошла вторая часть ее жизни – безмятежная юность.

В датских хрониках, точнее, в «Норвежских Королевских сагах», о ней упоминается, как о прекрасной лицом и славной благочестием девице.

Королева Елизавета, была одной из дочерей русского князя Ярослава Мудрого, которая вышла замуж норвежского короля Гарольда, а после его гибели – за датского короля Свена. Не удивительно, что когда пришло время искать жениха для племяннице, взор королевы обратился на далекую, давно оставленную родину.

Гиту сосватали с внуком Ярослава Мудрого, князем Владимиром, и английская принцесса стала в 1076 году великой княгиней Смоленской. Наследница английского престола, окончательно отнятого у саксов, поселилась с супругом в русском городе Смоленске. Там и началась третья часть ее жизни.

Гита не знала, что жена ее дяди пыталась найти ей жениха в Европе. Одна из ее сестер – Анна – была когда-то королевой французской, вторая – Анастасия – королевой Венгерской. Но в письмах, пришедших датской королеве, было мало утешительного: Анна давно овдовела и жила в монастыре, Анастасия, тоже овдовевшая и потерявшая трон, была вынуждена искать защиты у своих же подданных. Ни во Франции, ни в Венгрии не нужна была принцесса без королевства.

А вот оставшиеся в России братья... Их отец тоже женил на знатных иностранках, причем о землях в приданое и речи не было: Русь велика, места всем хватит. Один из братьев был женат на дочери графа Штаденского Оде, второй – на сестре польского короля Гертруде, третий – на дочери австрийского императора Аде, четвертый – на греческой царице Анне, пятый – на дочери норвежского короля Инге, шестой – на германской принцессе Кунингуде. Внимательно перебрав своих племянников, Елизавета остановила выбор на сыне Всеволода и Анны, который по завещанию отца должен был со временем занять киевский престол, но пока имел удел в Смоленске.

«При таком дворе и с таким будущим Гите будет не зазорно стать женой сына брата моего, – рассудила Елизавета. – Она наполовину датчанка, наполовину – саксонка, наследница английской короны... честь для моего племянника».

И в далекую Русь поскакал посол с письмом от королевы и портретом принцессы...

Гита и не подозревала о том, сколько хлопот у датского двора в связи с ее будущим. Она прилежно вышивала покров на алтарь церкви, читала богато разукрашенный Псалтирь, иногда поднималась на дворцовую башню и долго вглядывалась туда, где осталась ее родина...

Гита вспоминала счастливые часы, проведенные в играх с братьями и сестрой, уроки старого аббата, обучавшего ее латыни, редкие свидания с матерью, которой пришлось по-

селиться в монастыре. Придворные иногда говорили о ней: простолюдинка, наложница, но маленькая принцесса уже тогда знала, что это не так.

Красавица Эдит не была простолюдинкой, как потом стали писать не только в балладах, но и в серьезных исторических трудах. Она была дочерью саксонского графа, а со стороны матери принадлежала к датскому королевскому роду, как и сам король Гарольд. Бабушка Эдит и мать Гарольда были двоюродными сёстрами. По каким-то причинам король не смог жениться на своей возлюбленной, но ее дети воспитывались в королевском дворце. Сначала – под присмотром матери, потом – под опекой вдовствующей королевы.

Гарольду пришлось жениться на Эльдите Мерсийской, сестре влиятельных графов. Молодая королева не была красива, но принесла мужу в приданное поддержку своих родных и их рыцарей. Гита, разговаривая с мачехой, гордо поднимала голову: она была дочерью короля и с малых лет привыкла отдавать приказания, считала вполне естественным, чтобы ей прислуживали за столом, одевали ее и раздевали.

– Рождена для трона, – любил повторять ее отец. – Истинная принцесса.

И Гита продолжала жить безмятежно, как в полусне, то улыбаясь каким-то смутным своим мечтам, то задумываясь о чем-то неведомом. Только не о троне: она считала, что непременно будет королевой, так что об этом думать!

Все рухнуло в несколько дней, хотя Гита еще и не пони-

мала, что самое непоправимое – смерть, приходит негаданно и незвано. Когда отец надел боевую кольчугу и спешно покинул дворец, чтобы сразиться с викингами, принцесса оставалась совершенно спокойной среди всеобщего волнения: ее отец всегда был победителем и много раз облачался в боевые доспехи.

Но на сей раз он не вернулся во дворец в ореоле победителя: его принесли на носилках и обезумевшая от горя Эдит, до которой дошла черная весть, билась над ним в рыданиях. Молодая королева, которая вот-вот должна была родить, заперлась в своих покоях: она считала ниже своего достоинства публично выражать скорбь. А потом было уже некогда скорбеть: нужно было спастись самим и спасти королевских детей от норманнских завоевателей.

Королевская семья бежала в западный город Экзтер, расположенный на побережье. Они еще надеялись вернуть трон. Увы, две предпринятые отчаянные попытки только уменьшили число саксов. Когда норманны осадили уже и Экзтер, пришлось спасаться бегством.

«Вдовствующая королева, – свидетельствуют английские хроники, – покинула город ранее, чем отворили ворота. Бежать было нетрудно, потому что Вильгельм не привел кораблей, чтобы напасть на Экзтер с моря... Когда завоеватели ворвались через восточные ворота и пролом в стене, королева с дочерьми и внучкой ступила на корабль. Семья Гарольда навсегда покинула английскую землю и удали-

лась в Сент-Омер во Фландриши, откуда впоследствии уехала в Данию».

Но дни шли за днями и Гита все реже вспоминала Англию. Весть о гибели в одном из боев с норманнами ее братьев заставила ее долго и горько плакать, но время делало свое дело. Милые лица вспоминались все реже, детство затягивала золотистая дымка, словно все что было, происходило не с ней, а с какой-то другой – сказочной – принцессой. А к самой Гите обязательно прискачет на горячем коне королевский сын. Или приплывет на корабле.

Она ведь рождена для трона, как говорил ее отец.

Но королевич все не появлялся, а вместо этого однажды ее позвали в покои к королю и королеве. Там король объявил своей племяннице, что ее руки просит сын русского князя – Владимир, и что брак этот вполне достоин даже дочери великого короля, ибо королевство ее утрачено безвозвратно.

– Твой жених молод, хорош собой, весьма образован. После смерти отца он, скорее всего, станет самым великим князем на Руси – Киевским, – сказал король.

– Таким, каким был мой батюшка, – мечтательно добавила королева. – Владимир даже чем-то похож на него.

– Владимир – благородный ярл, мужественный воин. Ты будешь не последней среди счастливых, родишь ему много детей и продлишь род своего отца.

Елизавета, вытирая платком слезы, прошептала:

– Видишь, я плачу, вспоминая Русскую землю, где впер-

вые увидела свет мира. Ты убедишься, что наша страна полна всяческого богатства.

Гита присела в поклоне, бормоча слова благодарности. Ее не испугало то, что придется ехать на Русь: оттуда приехала королева Елизавета, да и многие европейские принцессы выходили замуж за русских князей.

Не так уж сильно отличалась в те времена Киевская Русь от других европейских государств. Во всяком случае, родственные связи с иностранными государями было делом вполне обыденным. Русское посольство уехало с согласием на брак англо-саксонской принцессы Гиты с князем Владимиром. А она стала собираться в далекий путь, в новую жизнь...

Вскоре большой корабль с искусно вырезанной хищной птицей на носу отплыл из Дании на восток. Снова Гита пустилась в морское странствие. Навстречу своему жениху и третьей жизни...

Плыли много дней, но погода стояла теплая и ясная. На палубе корабле разостлали ковер, и Гита, сидя на нем и откинувшись на вышитые подушки, слушала воинственные песни моряков. Иногда она пела сама, вместе с теми знатными девушками, которым королева Елизавета поручила сопровождать молодую невесту. Тогда все звуки на корабле замирали: мужчины зачарованно внимали пению зеленоглазой красавицы, хотя не всегда понимали язык, на котором она пела.

Потом корабль плавно вошел в широкое устье какой-то неизвестной реки. Гите сказали ее название, но она тут же забыла чуждое ее уху имя. Берега реки заросли лесами, в прибрежных кустах водилось множество птиц, которые с шумом поднимались в воздух при приближении корабля. Воины хватили было луки, но капитан запретил бить зря птицу: причаливать к берегу он не собирался.

– Еще наохотитесь, – буркнул он в ответ на недовольство несостоявшихся стрелков. – Русь дичью богата, ловитвы тут знатные, особенно – княжеские.

Гита начала было спрашивать капитана о местных обычаях, но тот был немногословен:

– Сама все увидишь, светлая принцесса. Знаю только, что жених твой слывет лучшим охотником на всех землях – от Новгородской до Киевской.

Тогда Гита вернулась к запискам, данным ей королевой Елизаветой в дорогу. Там были и описания русских обычаев, и названия городов, и некоторые русские фразы. Принцесса хотела хотя бы поздороваться с женихом на его родном языке.

А потом корабль очутился на необозримом озере и плыл по нему, как по морю. Наконец, вдали показались белоснежные башни и стены, словно выраставшие из воды.

– Новгород, – кратко пояснил капитан.

У причала было великое множество больших и малых кораблей, и военных, и купеческих. А на берегу зоркие глаза

Гиты усмотрели группу богато одетых всадников. Это мог быть только ее будущий супруг со свитой...

Когда Гита впервые увидела своего жениха, русского княжича Владимира, у нее сжалось сердце. С этим человеком ей предстояло делить до гроба радости, горе и ложе. От него она будет рожать детей. А он ничуть не похож на того сказочного королевича, о котором она грезила еще совсем недавно.

Перед нею стоял воин, не очень высокого роста, но отлично сложенный, с сильными, широкими плечами. На нем был алый плащ – корзно, застегнутый на правом плече жемчужной пряжкой. На княжиче была дивной красоты парчовая шапка, опушенная бобровым мехом, а когда он поклонился невесте, то обнажил голову со вьющимися рыжеватыми волосами. Только теперь Гита заметила, что Владимир – не юноша, а вполне зрелый мужчина с пышной бородкой. Чем-то он неуловимо напомнил ей отца, и принцесса залилась краской и опустила ресницы.

А Владимир с восхищением смотрел на свою невесту и вспоминалась ему сказка о Царевне-лебеди, которую ему рассказывала в детстве нянька. И вот сказка обернулась явью: из дальних стран, из-за тридевять земель, по морю приплыла к нему золотоволосая и зеленоглазая красавица, тонкая, небольшого роста, смущенная чуть ли не до слез. От носилок она отказалась, пришлось срочно привести богато оседланного коня. Так и поехали к главному новгородскому храму – бок о бок.

Пока ехали по городу, Гита забыла свои страхи и смущение, удивляясь тому, что видела вокруг себя. Ничто не напоминало ни Англию, ни Данию. Улицы были вымощены бревнами, а по сторонам, в деревянных желобах, весело журчала вода. И люди здесь были другие: приветливые, улыбающиеся, кланявшиеся невесте княжича чуть ли не в пояс. На площади толпились купцы со всего света, пахло смолой, мехами, соленой рыбой, пенькой, свежесрубленным деревом...

Сначала отслужили благодарственный молебен – в честь благополучного прибытия принцессы на Русь. Гита только краем уха слышала непонятные слова богослужения, и с любопытством рассматривала церковь, тоже ничуть не похожую на строгие европейские соборы. На всех стенах были искусно изображены ангелы, святые старцы, пророки с длинными свитками в руках. Очень много было изображений Богородицы – и не в пышных одеждах, как привыкла видеть этот образ принцесса, а в виде обычной женщины, которая пряла пряжу для храмовой завесы, слушала благовест архангела Гавриила, сидела у колыбели, в которых лежал ее новорожденный сын, отрешенно-скорбно стояла у подножия креста на Голгофе.

Все знакомые персонажи... и все другое.

Но когда жених и невеста прибыли в Киев, Гита увидела еще более прекрасные церкви и роскошные княжеские и боярские хоромы. Ее окрестили по православному обычаю и нарекли Анной. Но она так и не привыкла к этому имени,

да и Владимир ее называл то лебедушкой (плавными своими движениями Гита действительно напоминала лебедя), то ладушкой, лишь изредка окликаая:

– Гита!

Не хотел он, чтобы его молодая жена чувствовала себя чужой на Руси. Он помнил, хотя и смутно, свою мать, ромейскую царевну из рода Мономахов. Около нее вечно были ромейцы – знатные вельможи, монахи, лекари. Всегда жарко натоплены покои княгини были пропитаны ароматами каких-то лекарственных трав и курений, вдоль стен на аналоях лежали с огромные книги в парчовых и серебряных переплетах. Мать редко выходила из терема, она так и не приехала к Киеву.

Своего любимца Владимира она учила читать по-гречески, но тот в детстве предпочитал играть со сверстниками во дворе или ездить с отцом на охоту. Лишь когда матери не стало, княжич пристрастился к чтению, точно хотел вернуть во дворец смуглую, тихую женщину с огромными, вечно печальными черными глазами.

Но его жена была совсем другой – настоящей северянкой. Она сразу полюбила свою новую родину и молодого мужа. После венчания они отправились в город Чернигов, удел, выделенный князю Владимиру. Дорога шла через леса и бескрайние поля, где паслись табуны полудиких коней. Гита уже немного понимала по-русски, ей объяснили, что ее супруг – владелец несметного количества чистокровных коней,

и очень их любит.

Их – любит, а ее? Она все еще боялась вечеров, наступления того времени, когда она оставалась наедине с мужем, и сердце у нее начинало биться, как птичка, пойманная в силки. Но муж был нежен и терпелив со своей богобоязненной женой, опускавшей глаза перед мужскими взглядами. И Гита стала быстро взрослеть и хорошеть.

Уже через год многие знатные женщины, приехавшие с нею из Дании, покинули ее. Одни вернулись в свою страну, другие поспешили вышли замуж за русских бояр и переехали к мужьям в их отдаленные вотчины. Князь Владимир остался у семнадцатилетней женщины единственным близким человеком и защитником. Она привязалась к Владимиру, не хотела расстаться с ним ни на один час, но это была еще полудетская привязанность. Настоящая любовь пришла позднее.

Владимир тоже скучал без своей красавицы-жены и постепенно стал брать ее с собой во все поездки и на все охоты. В такие поездки на нее надевали красную шубку, отороченную горностаем, и охотники исподтишка любовались раздумавшейся на свежем, холодном воздухе светловолосой и зеленоглазой красавицей, ловко сидевшей в седле.

Во время одной из охот князь чуть не погиб: внезапно вырвавшийся из чащи огромный олень кинулся на всадника и раскрыл его коню брюхо своими огромными рогами. Конь рухнул, придавив собой Владимира. Олень уже наставил ро-

га на беспомощного всадника, но копьё одного из ловчих поразило животное насмерть.

Гита немало пережила за свою еще недолгую жизнь, видела гибель близких людей, войны и пожары, но то, что ее молодой муж оказался на волосок от гибели, перевернуло ей душу. Она вдруг повзрослела, перестала быть наивной, мечтательной полуженщиной – полудевочкой, поняла, как драгоценна человеческая жизнь и как легко ее потерять...

В ту ночь был зачат их первенец – Мстислав, которого Гита до конца своей жизни звала в память отца Гарольдом. Владимир не возражал: при крещении сына нарекли Феодором, да и сам он принял от купели имя Василий, ибо Владимир считался именем языческим и тогда еще не вошло в святцы. Но память о Владимире, который крестил Русь, уже обростала легендами и преданиями, которые муж с удовольствием рассказывал Гите.

Да она и сама была удивительной рассказчицей. Перед сном, на смешном еще, ломаном языке часто рассказывала мужу, лежа в постели, о своей далекой родине, ее обычаях, о своем великом отце и красавице-матери и из великой любви, которая так трагически закончилась.

Да и днем Гита, как и в дни своей юности, частенько сидела, устремив в пространство невидящий взгляд, и часами грезила о каких-то далеких, неведомых странах, диковинных птицах, колдунах и феях. Она не любила прясть и вышивать, зато любила читать. Только дети отвлекали ее от фан-

тазий и книг.

Вслед за Мстиславом Гита родила еще четверых сыновей: Ярополка, Вячеслава, Юрия и Андрея. Она мечтала о дочери, даже часто молила об этом Богородицу, но ее молитвы, видно, не были услышаны. Зато Владимир гордился тем, что его жена рождает только воинов, да еще сохраняет при этом почти девичью стройность и нежную кожу. Он любил жену так, как редко бывает в семьях, где браки заключаются по государственными соображениям, и она отвечала ему взаимностью. Тридцать один год прожили они в полном ладу, редко разлучаясь и тоскуя вдали друг от друга.

Из Чернигова переехали в Переяславль, хотя по праву наследства Владимир должен был после смерти отца занять киевский престол. Но князь был добрым и нетщеславным: дабы избежать междоусобицы, уступил его своему двоюродному брату – Святополку, сыну Изяслава. Вместе с ним участвовал в походах против половцев. Завещание Всеволода осуществилось лишь после смерти Изяслава.

– Зачем ты так поступил? – недоумевала Гита. – Киевский престол принадлежит тебе по праву.

– Ах, лебедушка моя, лучше княжить в небольшом городе, да жить в мире и покое, чем рисковать жизнью ради тщеславия.

Дочь короля не понимала этого. Но она уже знала, что за внешней мягкостью супруга кроется твердая душа и ясный ум. Он действительно не хотел великокняжеского пре-

стола, был доволен своим Переяславлем и всячески украшал его. Много потрудился для этого и епископ Ефрем, человек, наделенный тонким вкусом и знавший толк не только в богословии, но и в строительстве.

Это он возвел в Переяславле огромную церковь св. Михаила, не уступавшую Десятинной, пристроил к ней приделы, как в св. Софии в Киеве, украсил храм, одарил золотыми сосудами. Кроме того, епископ-зодчий обнес внутренний княжеский город стенами и на его воротах поставил церковь святого Феодора, а неподалеку еще одну церковь, во имя апостола Андрея. Несколько позже Владимир Мономах выстроил еще одну церковь, во имя богородицы, и сделал этот храм семейной усыпальницей, где суждено было лежать и Гите.

Удивительная то была семья: второй такой, пожалуй, и не сыскать было в то время среди княжеских пар на Руси. Мало того, что они искренне и крепко любили друга друга, так еще и семейные уклады двух таких разных стран почти полностью совпадали, разве что положение женщины у англо-саксов было гораздо более свободным и почетным, чем в древней Руси.

В «Поучении», написанным в последние годы жизни, Мономах говорит: *«жену свою любите, но не дайте ей над собою власти»*. Из англо-саксонских законов и правовых документов мы знаем, что и в Англии церковь и законодательство предписывали женщине безусловное подчинение своему мужу, и тем не менее это не противоречило ее достаточ-

ной независимости в отношении правовом и в смысле индивидуальной свободы.

Не все было ясно и безмятежно в жизни Гиты на Руси. Погиб в нелепой, случайной схватке второй сын Изяслав, оставив бездетную юную вдову, скончался в младенчестве сын Роман... Но остальные сыновья были живы и становились все больше похожи на своего отца и – к тайной радости Гиты – на деда, короля Гарольда.

Но и жизнь первенца Мстислава один раз оказалась в смертельной опасности. В русских летописях ничего об этом не говорится, но в Германии был обнаружен латинский текст XII века – «Проповедь благочестивого Руперта» – настоятеля монастыря св. Пантелеймона в Кёльне.

Проповедь посвящена эпизоду из жизни князя Мстислава Великого, который был тяжело ранен на охоте медведем. Князь находился между жизнью и смертью, у его постели много дней сидела в печали его мать, которая, как следует из рукописи, ещё раньше, до её приезда на Русь, вступила в обитель св. Пантелеймона в Кёльне почётным членом, делавшим вклады в монастырь.

Считалось, что благодаря этому она и её дети находились под особым покровительством целителя Пантелеймона. И в критический момент этот святой явился раненому князю и вернул ему здоровье. Достоверно и то, что в память о своём чудесном исцелении Мстислав назвал вскоре после того родившегося сына Изяславом, а крестил его Пантелеймоном.

Изяслав-Пантелеймон воздвиг в Новгороде храм в честь своего святого, который частично сохранился до сих пор, но сейчас носит имя русского святого-целителя Николая. В этом храме есть предел святой Анны, названный так в честь второго – русского – имени княгини Гиты.

Увы, самой Гите целитель-Пантелеймон не помог. Она скончалась, не дожив до пятидесяти лет, когда она с мужем возвращалась из очередной поездки в древлянские земли. Эту историю очень трогательно рассказал Антонин Ладинский в романе «Последний путь Владимира Мономаха». Только по его версии Гита умерла совсем еще молодой женщиной. И произошло это так:

«...Они торопились домой с княгиней, потому что из Переяславля приходили тревожные вести. Гита чувствовала себя больной, жаловалась на сильную головную боль.

Стояла поздняя осень. Ночь выдалась такая темная, что отроки не видели наконечников своих копий. Не переставая шел дождь. Мономах и его спутники ехали верхами, и он изредка обменивался несколькими словами с продрогшей до мозга костей женою. Душа князя была полна тревоги...

...Мономах привез жену в Переяславль совсем разболевшейся. Тотчас поскакал отрок в Киев, держа на поводу еще одного жеребца, чтобы немедленно доставить сирийского врача. Гита металась на постели, раскинув пышные волосы на подушке, и что-то говорила на своем языке. Она сама уже забыла его, а теперь вдруг вспомнила в жару. По-

рой она приходила в себя, с плачем обнимала мужа, когда он присаживался к ней на кровать, как будто цепляясь за земное существование.

Гита умирала... жизнь уже угасала в молодом и прекрасном теле. Истекали ее последние часы на земле. Пальцы Гиты, сжимавшие руку мужа, уже слабели с каждой минутой.

– Как ты останешься без меня?.. – тихо прошептала она.

Мономах склонился к умирающей, все еще не веря, что она покидает его навеки, прижался губами к раскаленным, как пустыня, устам.

Но дыхание Гиты становилось трудным, и сознание покидало ее. Как во сне она увидела близко от себя золотую чашу. Лязгнула ложка... Священник произносил какие-то слова... Последняя мысль была о том, чтобы поскорее, пока не поздно, найти руку Владимира.

– Супруг мой!

Перед вечерней она испустила последний свой вздох, и голова бессильно упала на плечо. Тогда этот мужественный человек зарыдал, как ребенок...»

Гита упокоилась в княжеской усыпальнице в построенном при ней переяславском храме, в мраморной гробнице из плит, доставленных с великим трудом из Корсуни. Она так и не успела стать Великой княгиней киевской – Владимир занял этот престол лишь в 1113 году, после того, как киевляне слезно просили его об этом:

– *Пойди, князь, на стол отцовский и дедовский...*

Владимир княжил в Киеве 13 лет. А под конец жизни написал в своем «Поучении»:

«Всех походов моих было 83, а других маловажных и не упомяну. Я заключил с половцами 19 мирных договоров, взял в плен более 100 лучших их князей и выпустил из неволи, а более двухсот казнил и потопил в реках».

Он заставил половцев откочевать далеко на восток и при его жизни набеги кочевников почти перестали тревожить русскую землю. На Руси установился относительный порядок.

Летопись называет его «братолюбцем, нищелюбцем и добрым страдальцем за русскую землю».

Действительно, Владимир Мономах стал в истории Киевской Руси третьим после Владимира Святого, который крестил Русь, и Ярослава Мудрого величайшим самодержцем, всю жизнь он заботился о силе, единстве и красоте земли Русской.

И знаменитый царский венец – шапку Мономаха – он получил уже будучи киевским князем. Византийские послы поднесли ее ему вместе со святым крестом животворящего дерева, золотой цепью и бармами – оплечьями, отделанными жемчугом. Царский венец – это круглая шапка, украшенная соболиным мехом и драгоценными камнями. Позже ею венчали на великое княжение и царство всех русских князей и царей.

Высоко взлетел княжич в парчовой шапке, которого встретила много лет назад заморская красавица Гита... Жаль, что она этого уже не увидела...

При Владимире Мономахе Киевская Русь на краткий миг вернула свою былую славу. С. М. Соловьев писал о нем:

«Мономах не возвышался над понятиями своего века, не шел наперекор им, не хотел изменить существующий порядок вещей, но личными доблестями, строгим исполнением обязанностей прикрывал недостатки существующего порядка, делал его не только сносным для народа, но даже способным удовлетворить его общественные потребности».

Да, самое интересное! Младший сын Владимира и Гиты был... Юрий Долгорукий, легендарный основатель Москвы. Через него генеалогическая цепочка ведёт от короля Гарольда к Александру Невскому и славным московским князьям, в том числе к Дмитрию Донскому. Его дети и внуки породнились со шведскими, норвежскими и византийскими королями и императорами.

Почему-то считается, что Пётр Великий первым прорубил «окно в Европу». Но за семьсот лет до него не нужны были ни окна, ни двери – Европа и Россия были практически одним огромным феодальным пространством. Но потом история распорядилась по-своему, и Россия отгородилась от внешнего мира глухой стеной. Естественно, пришлось рубить.

Хорошо, что стена была деревянной. «Железный занавес»

вновь разделит эти два мира двести лет спустя...

Но это уже совсем другая история. Новая.

P.S. Замечательная по напевности и экспрессии баллада Алексея Толстого «Три побоища», к сожалению, лишь с большой натяжкой может быть названа исторической – и то потому, что героями там являются исторические личности. Поэт смешал воедино три битвы, происходившие в разное время и в разных странах. В результате, Елизавета оплакивает своего супруга Гарольда вместе с племянницей Гитой, рыдающей по отцу, причем обе они для удобства повествования находятся в Киеве. Хотя строчка «рыдает Гаральдовна Гида» почему-то стала чуть ли не хрестоматийной...

Защитник рубежей России

Его имя известно далеко за пределами нашей Родины. Свидетельство тому – многочисленные храмы, посвященные покровителю воинов, святому Александру Невскому. Наиболее известные из них: Патриарший собор в Софии, кафедральный собор в Таллинне, храм в Тбилиси. Эти храмы – залог дружбы русского народа-освободителя с братскими народами.

Нетленные мощи благоверного князя были открыты, по видению, пред Куликовской битвой в 1380 году. А 30 августа 1721 года Петр I, после продолжительной и изнурительной войны со шведами, заключил Ништадский мир. Этот день решено было освятить перенесением мощей благоверного князя Александра Невского из Владимира в новую северную столицу, Санкт-Петербург, в специально построенный Троицкий собор Александро-Невской лавры.

За что же Александр, второй сын переяславского князя, удостоился всех этих почестей?

– Как за что? – воскликнет знакомый с русской историей читатель. – За то, что разбил на Чудском озере «псов-рыцарей» и не дал им захватить русские земли! Об этом даже фильм сняли...

Сняли, сняли. Но не документальный же! И за одну по-

беду, пусть и громкую, князя-полководца не стали бы причислять к лику святых, строить в его честь лавры и храмы и учреждать орден его имени. В жизни Александра Ярославовича было много деяний, помимо «Ледового побоища», о которых, к сожалению, почти забыли.

Однако обо всем по порядку.

В мае 1220 года у переславского князя (позже великого князя киевского и владимирского) Ярослава Всеволодовича и его супруги, урожденной княжны Торопецкой, родился второй сын – Александр. Ему было пять лет, когда его отец *«учинил сыновьям княжеский постриг»* – то есть совершил над ними в Спасо-Преображенском соборе обряд посвящения в воины.

Еще через пять лет Новгородская республика, порядком притомившись от внутренних «разборок», призвала Ярослава Всеволодовича на княжение, но тот пробыл в Новгороде лишь две недели, после чего своею властью посадил на новгородский престол обоих сыновей – Фёдора и Александра.

Однако три года спустя Фёдор умер, и Александр остался старшим наследником своего батюшки. В качестве боевого крещения юный князь принял участие в походе под отцовским стягом на Дерпт, захваченный ливонцами, и в 1234 году праздновал свою первую победу в битве на реке Омовже.

С шестнадцати лет Александр становится практически самостоятельным князем: его отец сел на киевский престол. Вместе с независимостью от отца молодой князь получил

целый ворох запутанных внешнеполитических проблем: соседи Новгородской земли давным-давно пытались подчинить себе вольнолюбивый город, правда, без особого успеха. Но после разорения Северо-Восточной Руси монголами, которые к тому же зимой 1237/1238 годов взяли Торжок после двухнедельной осады и самую малость не дошли до Новгорода, западные соседи Новгородской земли практически одновременно развернули наступательные действия.

Александр к этому времени был уже женат на дочери Брячислава Полоцкого, княжне Александре, и даже успел стать отцом первенца – Василия. Увы, год рождения княжича ознаменовался не слишком радостными для новгородцев и их князя событиями. Немцы подступили почти вплотную к Пскову, а шведы двинулись на Новгород, который, правда, был предусмотрительно укреплен по приказу Александра.

Согласно русским летописям, во главе шведского войска был сам зять короля, ярла Биргера, который прислал новгородскому князю гордое и надменное послание:

«Если можешь, сопротивляйся, знай, что я уже здесь и пленю землю твою».

По Неве Биргер хотел плыть в Ладожское озеро, занять Ладогу и отсюда уже по Волхову идти к Новгороду.

Сказать, что Александру не понравился тон письма и намерения его автора – значит ничего не сказать. Со сравнительно небольшой дружиною новгородцев и ладожан князь белой июльской ночью 1240 года врасплох напал на шведов,

когда они остановились лагерем для отдыха при устье реки Ижоры, на Неве, и нанёс им полное поражение. Шведы бежали на свои корабли и в ту же ночь все уплыли вниз по реке.

Эта ночная сеча вошла в историю под названием «Невская битва». Сам сражаясь в первых рядах, Александр *«неверному кралою их (Биргеру) возложил остриём меча печать на челе»*. Победа в этой битве продемонстрировала военный талант и ум Александра, а также навечно закрепила за ним имя Невского, с которым он и вошел в историю.

Ведь действительно, знаменитая битва, о которой фильмы снимают и книги пишут, произошла на Чудском озере, и логичнее было бы именовать славного победителя Александром Чудским. Но почему-то мало кто задумывается над тем, каким образом герои получают свои имена.

Церковные хроники уделяют этой битве куда больше внимания. В них, в частности, сказано, что *«...множество кораблей подошло к Неве под командованием ярла Биргера, покуда Александр долго молился в храме Святой Софии и был благословлен архиепископом Спиридоном на брань сию... Выйдя из храма, Александр укрепил дружину исполненными веры словами: „Не в силе Бог, а в правде. Иные – с оружием, иные – на конях, а мы Имя Господа Бога нашего призовем!“ И было чудное предзнаменование: стоявший в морском дозоре воин видел на рассвете 15 июля ладью, плывущую по морю, и на ней святых мучеников Бориса и Глеба, в одеждах багряных. Александр, ободренный, муже-*

ственно повел с молитвой дружину... И была сеча великая с латинянами, и перебил их бесчисленное множество».

Впечатление от победы было тем сильнее, что она произошла в тяжелую годину невзгод в остальной Руси. Традиционно считают, что сражение 1240 года предотвратило потерю Русью берегов Финского залива, остановило шведскую агрессию на новгородско-псковские земли. В Новгороде долго помнили Ледовое побоище немцев: вместе с Невской победой над шведами, оно еще в 16 веке вспоминалось на ектениях по всем новгородским церквам.

Так что Александр – теперь уже Невский – отвел от Новгорода серьезнейшую опасность. Но благодарность никогда не была отличительной чертой новгородцев. В том же году они разругались с собственным спасителем, и тот был вынужден уехать из Новгорода и стать князем в Переславле-Залесском, как решил его отец. В принципе, Александра это тогда устраивало: по характеру он отнюдь не был агрессивен и оборону предпочитал нападению, а на Переславль пока никто нападать не собирался.

Увы, этого никак нельзя было сказать об оставленном им Новгороде: на вольнолюбивый город надвигались ливонские немцы. Рыцари осадили Псков и вскоре взяли его, воспользовавшись предательством среди осаждённых. В город были посажены два немецких фогта, что стало беспрецедентным случаем в истории ливонско-новгородских конфликтов.

Положение между тем ухудшалось с каждым днем: ли-

вонцы завоевали и обложили немалой данью одну из пяти новгородских областей, примыкавших к Финскому заливу – Водь, населенную довольно многочисленным тогда народом угро-финского происхождения. Настолько многочисленным, что им заинтересовались европейские государства, называвшие эту область Ватландией и начавшие усиленное распространение там христианства, для чего Папа Рисский даже назначил особого епископа.

В завоеванной области была построена крепость Копорье (одновременно ливонцы взяли и разорили город Тёсов и земли по реке Луге), после чего начались систематические нападения на новгородских купцов всего лишь в тридцати верстах от Новгорода. Удар был нанесен по самому чувствительному месту вольнолюбивой республики – ее кошельку, посему новгородцы воззвали о помощи и попросили у Киева... правильно, князя.

Ярослав прислал было к ним младшего сына – Андрея, но тот по каким-то причинам новгородцев не устроил. Скорее всего, они прекрасно помнили военные победы прежнего своего князя – Александра – и в качестве надежного защитника желали именно его. Уговаривать пришлось несколько месяцев: Александр был незлопамятным, но, как бы сейчас сказали, принципиальным. По-видимому, пересилило чувство патриотизма: уступить хоть и склочный, но **русский** Новгород иноземцам не хотелось еще больше, чем снова становиться новгородским князем.

В 1241 году Александр со своей дружиной прибыл в Новгород, где все еще пребывал его брат Андрей – фигура чисто декоративная, но тоже имевшая под своим стягом дружину. Совместными усилиями братья двинулись на Псков, осадили его, а затем взяли приступом. При штурме погибло около семидесяти новгородских рыцарей и множество простых воинов. Но по свидетельству немецкого летописца, **шесть тысяч** ливонских рыцарей было взято в плен и замучено. Обычно летописцы склонны преуменьшать цифры потерь близкой им стороны, так что данный источник можно считать относительно надежным.

Вдохновленные успехами новгородцы вторглись уже непосредственно на территорию Ливонского ордена – самого мощного в те времена военного объединения на севере Европы – и начали разорять поселения эстов, данников крестоносцев. Вышедшие из Риги рыцари, уничтожили передовой русский полк Домаша Твердиславича, вынудив Александра отвести свои отряды к границе Ливонского ордена, проходившей по Чудскому озеру. Обе стороны стали готовиться к решающему сражению.

Оно произошло на льду Чудского озера, у Вороньего камня 5 апреля 1242 года. На восходе солнца началась знаменитая битва, слышущая в наших летописях под именем Ледового побоища. Немецкие рыцари выстроились клином, а точнее, узкой и очень глубокой колонной, задача которой сводилась к массивному удару по центру новгородского вой-

ска.

Русское войско было построено по классической схеме, выработанной еще Святославом. Центр – пеший полк с выдвинутыми вперед лучниками, по флангам – конница. Новгородская летопись и немецкая хроника единогласно утверждают, что клин пробил русский центр, но в это время ударила по флангам русская конница, и рыцари оказались в окружении.

Как пишет летописец, была злая сеча, льда на озере стало не видно, все покрылось кровью. Русские гнали немцев по льду до берега семь верст, уничтожив более 500 рыцарей, а чуди бесчисленное множество, в плен взято более 50 рыцарей.

«Немцы, – говорит летописец, – хвалились: возьмем князя Александра руками, а теперь самих Бог выдал ему в руки».

По данным ливонской хроники, потери ордена составили 20 убитых и 6 плененных рыцарей, что может согласовываться с Новгородской летописью, которая сообщает, что ливонский орден потерял 400—500 «немец» убитыми и 50 пленными – *«и паде Чюди беущисла, а Немець 400, а 50 руками яша и приведоша в Новгородъ».*

Учитывая, что на каждого «полноценного» рыцаря, имевшего едва ли не генеральский статус, приходилось 10—15 оруженосцев, слуг и рыцарей более низкого ранга, можно считать, что данные Ливонской хроники и данные Новгородской летописи хорошо подтверждают друг друга. Русские

плохо разбирались в немецком «Табеле о рангах» и могли приравнять знатного рыцаря к обычному воину. Враг с оружием в руках – это враг, остальное не волновало ни князя, ни его дружину, ни летописцев.

Немецкие рыцари были разгромлены. Ливонский орден был поставлен перед необходимостью заключить мир, по которому крестоносцы отказывались от притязаний на русские земли, пленники с обеих сторон были обменены.

Три года спустя литовская армия предприняла попытку напасть на новгородские земли, но при известии о том, что против них выступил князь Александр с дружиной, литовцы тут же начали отступление. На свою беду, они хотели увезти все награбленное, так что Александр нагнал их и разбил в битве у озера Жизца. По сказанию летописца, литовцы впали в такой страх, что стали *«блюстися имени его»*.

Шестилетняя победоносная защита Александром северной Руси привела к тому, что немцы, по мирному договору, отказались от всех недавних завоеваний и уступили Новгороду часть Латгалии (*исторически Латгалией называлась территория Латвии к востоку от Даугавы, от границы племени ливов до славянских границ – прим. автора*).

Западные пределы Русской земли были теперь надежно ограждены, но оставалась непрерывная и опасная угроза с Востока. И вот тут начинается та часть жизни Александра Невского, о которой известно чрезвычайно мало, ибо громких военных походов практически не было, но во время ко-

торой князь сумел сделать для Руси не меньше, чем за предшествующие годы. Если не больше.

В 1246 году отец Александра, Ярослав, выехал в Орду за так называемым «ярлыком на княжение», который должны были получать от ордынских ханов все русские князья. Там, в Каракоруме, Ярослав был предательски отравлен, причем виновник так и остался неизвестным. Почти одновременно с Ярославом был убит князь Михаил Черниговский, обвиненный в неповиновении Орде.

Пришлось отправляться в Орду самому Александру – «на поклон к хану Батыю», а оттуда, по дипломатическим соображениям – в Монголию, к Великому Хану Гуюку. В этом путешествии, продолжавшемся два года, Александра сопровождал его брат Андрей. В их отсутствие князь Михаил, младший из сыновей Ярослава, ввязался в междоусобную войну со своим дядей Святославом, княжившим во Владимире. Михаил хотел сам стать владимирским князем, но вместо этого погиб в одной из схваток. Весть об этом два его старших брата получили уже на обратном пути из Монголии в Россию.

Согласно завещанию Ярослава, владимирским князем должен был стать Андрей, а князем новгородским и киевским – Александр. И летописец отмечает, что у них была *«пря велія о великом княженіи»*, конец которой положил... хан Батый, разоривший во время своего похода на Русь в 1248 году Киев, тем самым лишив его статуса «главного

русского города». В итоге Александр получил Киев и «всю Русскую землю» (точнее, то, что от нее оставили татаро-монгольские завоеватели), но остался жить в Новгороде.

Спасение пришло оттуда, откуда его совсем не ждали – из самой Орды. Хан Батый решился выступить против Великого Хана и отправился в поход на Монголию, в результате чего стал главной силой во всей Великой Степи. Александр дал Батыю слово не поднимать Русь против татар во время этого их похода и тем самым обезопасил русские города от бесконечных татарских набегов.

В 1252 году Орда признала Александра единовластным князем всей Руси, а два года спустя заключил договор о вечном мире с Норвегией, предотвратив тем самым новые попытки напасть на северо-западные рубежи Руси.

В 1256 году умер хан Батый, и Александр снова лично отправился в Орду, чтобы подтвердить мирные отношения с новым ханом Берке. Помимо всего прочего, обсуждались и перспективы... профессионального сотрудничества. Пять лет спустя, стараниями князя Александра и митрополита Кирилла, в Сарае, столице Золотой Орды, была учреждена епархия Русской Православной Церкви. Это, пожалуй, было самым важным дипломатическим достижением князя Александра Невского, куда более важным, чем «замирение» литовцев или немцев.

Надо отметить также, что Александр отверг предложение о помощи со стороны католической церкви. Есть сведения

о двух посланиях ему папы римского Иннокентия IV. В первом папа предлагает Александру последовать примеру отца, якобы согласившегося перед смертью подчиниться римскому престолу, а также предлагает координацию действий с тевтонцами в случае нападения татар на Русь. Во втором послании папа упоминает о согласии Александра креститься в католическую веру и построить католический храм в Пскове, а также просит принять его посла – архиепископа Прусского. Но самих посланий, равно как и свидетельств о приезде римских легатов или намерении князя «перекреститься» не существует.

Зато достоверно известно, что в то же самое время литовский князь Миндовг **принял** католическую веру, тем самым обезопасив свои земли от тевтонцев. По рассказу летописца, Александр Невский, посоветовавшись с мудрыми людьми, изложил всю историю Руси и в заключение сказал: *«си вся съведаем добре, а от вас учения не приимаем»*. Другими словами, в отличие от литовцев, считал, что можно воспрепятствовать тевтонской угрозе и не меняя вероисповедание.

И действительно, шведы в 1256 году попытались было отнять у Новгорода финское побережье, приступив к постройке крепости на реке Нарве, но при одном слухе о приближении Александра с суздальскими и новгородскими полками убежали обратно. Чтобы еще более уstrasить их, Александр, несмотря на чрезвычайные трудности зимнего похода, вступил в Финляндию и завоевал поморье.

Зато очередной опустошающий набег Орды на Русь Александр Невский предотвратил дипломатическими путями. Впрочем, начиналось все не вполне дипломатически: по тайному указанию князя в 1262 году во многих городах были перебиты татарские сборщики дани и вербовщики воинов – баскаки. Русь ожидала неизбежной мести, но...

Но Александр Невский опять лично отправился в Орду, где вел долгие и тайные переговоры с ханом Берке. Содержание переговоров неизвестно, зато хорошо известны их последствия: ссылаясь на восстание русских, хан Берке прекратил посылать дань в Монголию и провозгласил Золотую Орду самостоятельным государством, сделав ее тем самым заслоном Руси с востока. Не очень надежным, таящим в себе собственную угрозу, но все-таки – заслоном.

Историки уделяли и уделяют этому событию мало внимания, в отличие от православной церкви. С ее же точки зрения, в 1262 году началось *«великое соединение русских и татарских земель и народов, были посеяны семена, взошедшие в будущем многонациональным Российским государством»*, включившее впоследствии в пределы Русской Церкви почти все наследие Чингиз-Хана до берегов Тихого океана.

Впрочем, до дипломатических способов Александр Невский додумался не сразу. За десять лет до этого он и его братья Андрей и Ярослав предприняли попытку разделаться с татарами так же, как до этого с немцами, то есть дать им решительный бой. Увы, в сражении 1251 года русские дружины

были разбиты: первая попытка открытого противодействия монголо-татарам в Северо-Восточной Руси, и она закончилась неудачей. Русским князьям пришлось склонить голову перед гораздо более сильным врагом – монголо-татарами.

Но в 1253 году Александр стал уже великим князем и мог планировать и вести внешнюю политику с куда большим размахом, чем до этого. Прежде всего, следовало навести порядок на собственной земле: в 1255 году верные себе новгородцы «изгнали от себя» старшего сына Александра – Василия, который им чем-то не угодил. Александр Невский заставил новгородцев снова принять Василия, а неугодного ему посадника Ананию, поборника новгородской вольности, заменил другим.

Когда в 1257 году Орда затеяла перепись населения на Руси (да-да, было и такое!), новгородцы опять взбунтовались. До них татаро-монгольские набеги так и не докатились, и они плохо представляли себе, с кем имеют дело. Посадника убили, князь Василий от греха подальше убрался во Псков.

А в Новгород явился сам Александр Невский с... татарскими послами. Василия, как «не оправдавшего надежд» он сослал в «Низ», то есть Суздальскую землю, советчиков его схватил и наказал (*«овому носа урезаша, а иному очи выимаша»*) и посадил князем к ним второго своего сына, семилетнего Дмитрия. Такими не слишком гуманными способами великий князь добился от новгородцев согласия на перепись и дань («тамги и десятины»). С тех пор Новгород, хотя

и не видел больше у себя монгольских чиновников, участвовал в выплате дани, доставляемой в Орду со всей Руси.

Правда, длилось это недолго – до вышеупомянутой поездки в Золотую Орду великого князя Александра. Эта дипломатическая поездка в Сарай была четвертой и последней. На обратном пути, не доезжая до Владимира, в Городце, в монастыре князь-подвижник предал свой дух Господу 14 ноября 1263 года, завершив многотрудный жизненный путь принятием святой иноческой схимы с именем Алексий.

Митрополит Кирилл возвестил народу во Владимире о его смерти словами:

«Чада моя милая, разумеите, яко заиде солнце Русской земли», и все с плачем воскликнули: *«уже погибаем».*

В условиях страшных испытаний, обрушившихся на русские земли, Александр Невский сумел найти силы для противостояния западным завоевателям, снискав славу великого русского полководца, а также заложил основы взаимоотношений с Золотой Ордой. В условиях разорения Руси монголо-татарами он умелой политикой ослабил тяготы ига, спас Русь от полного уничтожения.

«Соблюдение Русской земли, – писал известный историк Сергей Соловьев, – от беды на востоке, знаменитые подвиги за веру и землю на западе доставили Александру славную память на Руси и сделали его самым видным историческим лицом в древней истории от Мономаха до Донского».

Александр сделался любимым князем духовенства. Уже

в 1280-х годах во Владимире начинается почитание Александра Невского как святого, позднее он был официально канонизирован Русской православной церковью. Александр Невский был единственным православным светским правителем не только на Руси, но и во всей Европе, который не пошел на компромисс с католической церковью ради сохранения власти. При участии его сына Дмитрия Александровича и митрополита Кирилла была написана житийная повесть, получившая широкое распространение в более позднее время широко известной (сохранилось 15 редакций).

В дошедшем до нас летописном сказании о подвигах его говорится, что он «*Богом рожен*». Побеждая везде, он никем не был побежден. Рыцарь, пришедший с запада посмотреть Невского, рассказывал, что он прошёл много стран и народов, но нигде не видал такого «ни в царях царя, ни в князьях князя». Такой же отзыв будто бы дал о нём и сам хан татарский, а женщины татарские его именем пугали детей.

Святое тело князя Александра Невского понесли из Городца во Владимир. Девять дней длился путь, и тело осталось нетленным. 23 ноября при погребении его в Рождественском монастыре во Владимире, было явлено Богом «*чудо дивно и памяти достойно*», но какое именно – сейчас уже достоверно не известно.

Великим князем после смерти Александра Невского – при очень активной поддержке Золотой Орды – стал его сын Андрей, ничем себя особо не прославивший. А после него ки-

евский престол занял племянник Александра Невского, Михаил Ярославич, напоминавший по складу характера былинного богатыря: храбр, силен физически, верен слову, благороден. С переходом «великого стола» к Михаилу Тверскому реальная власть ушла из рук сыновей Александра Ярославича.

Фактически, уже в начале XIV века прежней Киевской Руси не стало – факт, на который историки почему-то обращают очень мало внимания. А ведь к этому времени ни политического, ни этнического единства русских больше не существовало, сама система власти была окончательно разрушена.

Вместо старых городов Поднепровья появились новые центры. Тверь – прекрасный богатый город на Волге, имевший выгодное географическое положение; Смоленск – западный щит Руси; Рязань – служившая защитой от беспорядочных набегов степных грабителей; отвоеванный у мордвы Нижний Новгород – торговый город и колонизационный центр на границе с волжскими булгарами; маленькая, затерянная в лесах Москва...

За год до смерти князя его вторая супруга – некая Васса – родила сына Даниила, который стал **первым князем московским**.

Младший сын Александра Невского, Даниил, получил «во княжение» крохотный городок в глуши – Москву. Даниил, в отличие от других князей, воевал мало. Московский

князь занимался хозяйством: отстраивал свой город, развивал земледелие, заводил ремесла. Единственным его завоеванием стала Коломна, принадлежавшая рязанским князьям. Благодаря своей мирной политике Даниил приобрел большой авторитет и к началу XIV века стал одним из влиятельных князей на Руси. Но даже отблески отцовской славы не пали на его трудолюбивого потомка: летописи говорят о нем скупо и глухо.

Так что фильм «Александр Невский» – это лишь одна из картинок в объемистом описании подвигов и деяний русского князя-дипломата, одного из первых «собирателей Земли Русской». И очень знаменательно, что именно его сын стал первым князем московским – Юрий Долгорукий лишь мимоездом основал город, устроил в нем пирушку и более туда не возвращался.

Тем не менее, память об Александре Невском оказалась прочнее, чем можно было ожидать. Почитание его как святого заступника Руси установилось сразу вслед за кончиной. *«Драгоценная отрасль священного корня, – молитвенно взывает Церковь к благоверному князю, – блаженный Александр, тебя явил Христос Русской земле, как некое божественное сокровище... Радуйся, презревший догматы латинян и вменивший в ничто все их обольщения!.. Радуйся, заступник Русской земли: моли Господа, даровавшего тебе благодать, соделать державу сродников твоих Богоугодною и сынам России даровать спасение».*

В 1724 Петр I основал в Петербурге монастырь в честь своего великого соотечественника (ныне Александро-Невская лавра) и повелел перевезти туда останки князя. Он же постановил отмечать память Александра Невского 30 августа в день заключения победоносного Ништадского мира со Швецией.

В 1725 императрица Екатерина I учредила орден Святого Александра Невского. Он изготовлен из золота, серебра, алмазов, рубинового стекла и эмали. Общий вес 394 бриллиантов составляет 97,78 каратов. Орден Александра Невского – одна из высших наград России, существовавших до 1917 года.

Р.С. Во время Великой Отечественной войны в 1942 был учрежден советский орден Александра Невского, которым награждались командиры от взводов до дивизий включительно, проявившие личную отвагу и обеспечившие успешные действия своих частей. До конца войны этим орденом было награждено 40217 офицеров Советской Армии.

Кремлевская деспина

– Высокородная принцесса! Всемилостивейшая деспина!

Скажи хоть слово, ведь грех-то какой...

Принцесса Зоя Палеолог («деспина» по-гречески означало «правительница») подняла на папского легата свои бездонные черные очи, и преподобный Антонио Бонумбре онемел: таким откровенным холодом повеяло от этого взгляда. И как же просчитались в Ватикане, думая, что эта дурнушка-бесприданница, каким-то чудом ставшая невестой князя варваров – Ивана Московского – понесет в еретическую Россию свет истиной веры!

Вот только что у него, полномочного представителя святейшего Папы Римского, отобрали святой крест, под сенью которого он намеревался въехать в Москву, а деспина Зоя... то есть теперь уже княжна Софья, похоже, осталась к этому совершенно равнодушна.

– Со своим уставом в чужой монастырь не ходят, – только и проронила она. – Впредь не докучайте мне мелочами.

Вот тут-то папский легат понял, что стать католическим епископом всея Руси ему вряд ли придется. Да и с распространением истиной веры среди еретиков придется повременить.

Как выяснилось совсем скоро, католичеству путь на Русь был заказан...

Детство она помнила так отчетливо, как если бы это происходило вчера. Дочь деспота Морейского Фомы Палеолога, родная племянница византийского императора Константина XII Багрянородного, принцесса Зоя, любимица родителей, предназначалась в жены какому-нибудь знатному иностранному принцу, а то и королю. С ней и обращались соответственно, как с будущей королевой, да и старшая сестра, Елена, уже была выдана за короля Венгрии. Зоя уже мечтала об еще более блестящей короне, но...

Но Византия уже погибала... Зоя с ужасом наблюдала за тем, как орды турецкого султана Махмуда II захватили Константинополь и убили императора, как затем пала родная Морейя и ее правителям пришлось спастись бегством на остров Корфу. Оттуда Фома Палеолог отправился в Рим и... фактически в его лице православная церковь рухнула на колени перед католической. Ведь Византия, надеясь получить от Европы военную помощь в борьбе с турками, подписала в 1439 году Флорентийскую унию об объединении Церквей, и теперь ее правители могли просить себе убежище у папского престола. Фома Палеолог смог вывезти величайшие святыни христианского мира, в том числе и главу святого апостола Андрея Первозванного. Немудрено, что сам Папа взял семью Палеологов под свое личное покровительство.

Зое было пятнадцать лет, когда она осталась круглой сиротой. Ее образование взял на себя Ватикан, точнее, поручил

чил эту деликатную миссию кардиналу Виссариону Никейскому. Грек по происхождению, бывший архиепископ Никейский, он был ревностным сторонником подписания Флорентийской унии, после чего стал кардиналом в Риме. Он воспитал Зою Палеолог в европейских католических традициях и особенно поучал, чтобы она во всем смиренно следовала принципам Католицизма, называя ее «возлюбленной дочерью Римской Церкви». Только в этом случае, внушал он воспитаннице, судьба одарит тебя всем. Однако сложилось все совсем наоборот.

Высокородная бесприданница не заинтересовала ни одного из предполагаемых женихов. Король французский и герцог Миланский даже не соизволили принять посланца Папы, ограничившись чтением послания понтифика. Кипрский король Яков только плечами пожал и даже захудалые итальянские князья, к которым, умерив притязания, направляли послов, пренебрежительно фыркали:

– Если бы ваша принцесса была хотя бы хороша собой! А эта толстая коротышка...

Да, природа не наделила Зою изящными формами и высоким ростом. Хороши были только огромные черные глаза, да нежная белая кожа. Но этого, казалось, никто не замечал, а принцесс без государства в Европе и без нее хватало. Зоя смертельно боялась, что в конце концов попадет в монастырь. Она мечтала быть невестой, но отнюдь не невестой Христовой, да еще в католическом монастыре.

И этот страх однажды заставил ее вспомнить те молитвы, которые она читала в детстве, надоумил просить Господа о том, чтобы послал ей мужа. Пусть не короля, но такого, который сумел бы по достоинству оценить ее высокородность. И ее молитвы на сей раз были услышаны. . .

Отчаявшись выдать свою воспитанницу замуж за доброго католика, Рим обратил взоры на Восток, на таинственную и далекую Московию, где неожиданно (хотя и весьма кстати) остался вдовцом великий князь Иван двадцати восьми лет от роду.

Иван Васильевич пятнадцать лет прожил в спокойном-счастливом браке с княжной Марией Тверской, у них был девятилетний сын, нареченный тоже Иваном, и вдруг княгиня умерла, проболев всего лишь несколько часов. Поговаривали, что скончалась Мария Борисовна из-за слишком большой доверчивости: страстно желая иметь еще детей, княгиня, по совету бабки-ворожейки, надела на себя пропитанный неким зельем пояс. Зловредную бабку так и не нашли – точно в воду канула, а великий князь овдовел. После чего и оказался весьма и весьма завидным женихом, хотя и не католиком.

Выждав приличествующий срок, Рим отправил к безутешному вдовцу посольство, состоявшее почти сплошь из православных греков – бывших подданных Византии.

Посольство, предложившее заключение брака, было принято с почестями. Укреплявший великокняжескую власть

Иван III понимал, что такой брак поможет Московии повысить международный престиж, заметно пошатнувшийся за два столетия ордынского ига, и повысит авторитет великокняжеской власти внутри страны. Но с окончательным ответом не спешил и, в свою очередь, отправил в Рим собственного посла – Ивана Фрязина – «дабы невесту видети».

Смущало государя и то, что многие верховные бояре резко выступали против приезда на Русь «грекини», да еще воспитанной при папском дворе. Особенно непримиримую позицию занял митрополит Филипп, а его мнение было достаточно весомым. Переговоры по этому поводу, начавшиеся в 1469 году, затянулись на три года...

Тем временем Фрязин писал великому князю, что Зоя невысока ростом, полная, с красивыми большими глазами и с необыкновенной белизны кожей (чистота кожи как признак здоровья высоко ценилась в Московии) и неглупая девица. А, вернувшись из Рима, Фрязин привез портрет невесты в виде парсуны (изображения реального лица как святого, летописец сообщает, что Зоя была «на иконе писана») и со скромным торжеством предъявил портрет своему государю.

Великий князь мгновенно забыл и свою безвременно почившую супругу, и недовольство бояр во главе с митрополитом. Ему в жены предлагали настоящую царь-девицу: белолицую, темнобровую, с огненными очами, черными косами и пышными формами. То, что вызывало у утонченных

европейцев насмешки, восточного «варвара» привело почти в экстаз: полнота издавна считалась на Руси мерилom женской красоты. Да и дружба с Римом... Иван Васильевич, правитель острого ума, мгновенно просчитал все выгоды, которые сулил ему этот брак, и сватовство плавно покатилося к счастливому итогу.

В начале 1472 года послы Ивана III выехали в Рим за невестой. В июне того же года Зоя Палеолог в сопровождении большой свиты отправилась в долгий путь на Русь, в Московию. Из Рима выехала Зоя – до Москвы добралась уже Софья: в пути греческая принцесса официально приняла православие, а на самом деле – вернулась к своей вере и вере своих родителей. Под другим именем.

Вместе с ней в Россию приехало ее «приданое», включавшее (помимо одежды и украшений) легендарную «либерию» – библиотеку, привезенную будто бы на 70 подводах (именно она вошла в историю под названием «библиотека Ивана Грозного»). Либерия включала в себя греческие пергаменты, латинские хронографы, древневосточные манускрипты, среди которых были неизвестные нам поэмы Гомера, сочинения Аристотеля и Платона и даже уцелевшие книги из знаменитой Александрийской библиотеки. То, чем пренебрегла Европа, было с радостью и благодарностью принято «варварской» Русью.

По преданию, Софья привезла с собой в подарок будущему мужу еще и знаменитый «костяной трон»: его деревян-

ный остов весь был покрыт пластинами из слоновой и моржовой кости с вырезанными на них сюжетами на библейские темы. Этот трон, известный опять же как «трон Ивана Грозного», и ныне — самый древний в кремлевском собрании.

Обоз невесты Ивана III пересек всю Европу с юга на север, направляясь в немецкий порт Любек. Во время остановок высокой гостии в городах в ее честь устраивались пышные приемы и рыцарские турниры. Власти городов преподносили воспитаннице папского престола подарки — серебряную посуду, вина, а горожанки Нюрнберга вручили ей целых двадцать коробок конфет.

10 сентября 1472 года корабль с путешественниками взял курс на Колывань — так называли тогда русские источники современный город Таллинн, но прибыл туда лишь через одиннадцать суток: на Балтике в те дни стояла штормовая погода. Затем через Юрьев (ныне город Тарту), Псков и Новгород процессия отправилась в Москву.

Однако заключительный переход был несколько омрачен. Дело в том, что папский представитель Антонио Бонумбре вез в голове обоза большой католический крест. Весть об этом дошла до Москвы, что вызвало небывалый скандал. Митрополит Филипп заявил, что если крест ввезут в город, то он немедленно покинет его. Попытка открытой демонстрации символа католической веры не могла не беспокоить и великого князя.

Русские летописи, которые умели при описании щекотли-

вых ситуаций находить обтекаемые формулировки, на этот раз были единодушно откровенны. Они отметили, что посланец Ивана III, боярин Федор Давыдович Хромой, исполняя поручение князя, просто-напросто силой отнял «крыж» у папского священника, встретив обоз невесты за 15 верст от Москвы. Как видим, жесткая позиция главы русской церкви в отстаивании чистоты веры тогда оказалась сильнее традиций дипломатии и законов гостеприимства. Но государева невеста пренебрегла обидой католиков: православный престол манил ее все сильнее.

Более того, принцесса повела себя, как и пристало будущей правительнице Руси. Вступив на псковскую землю, она первым делом посетила православный храм, где приложилась к иконам. Папскому легату и здесь пришлось по-виноваться: последовать за ней в церковь, а там и поклониться святым иконам и приложиться к образу Богородицы по приказу деспины. А потом Софья пообещала восхищенным псковичам свою защиту перед великим князем.

Иван III, разумеется, не намеревался ни воевать за «наследство» с турками, ни тем более принимать Флорентийскую унию. И Софья вовсе не собиралась окатоличивать Русь. Напротив, она явила себя деятельной православной. И дело было не в том, что Софье было безразлично, какую веру исповедовать, наоборот. Софья, воспитанная в детстве афонскими старцами, противниками Флорентийской унии, в глубине души была глубоко православной. Она уме-

ло скрывала свою веру от могущественных римских «покровителей», которые не оказали помощи ее родине, предав ее иноверцам на разорение и гибель, но с радостью вернулась к православию, вступив на земли своего жениха.

Так или иначе, этот брак только усилил Московию, способствуя ее грядущему обращению в великий «Третий Рим». Первым сигналом стало то, что после венчания Иван III принял в герб византийского двуглавого орла – символ царской власти, поместив его и на своей печати. Две головы орла обращены на Запад и Восток, Европу и Азию, символизируя их единство, а также единство («симфонию») духовной и светской власти. С тех пор двуглавый орел неразрывно ассоциировался с крепнущей Россией.

Софья привезла с собой и несколько православных икон, в том числе редкую икону Божией Матери «Благодатное Небо». Икона находилась в местном чине иконостаса кремлевского Архангельского собора. По традиции москвичи приносили к образу Божией Матери «Благодатное Небо» воду и лампадное масло, которые исполнялись лечебными свойствами, поскольку эта икона обладала особой, чудодейственной целительной силой. И еще после свадьбы Ивана III в Архангельском соборе появилось изображение византийского императора Михаила III, родоначальника династии Палеолог, с которой породнились московские правители. Так утверждалась преемственность Москвы Византийской империи, а московские государи представляли наследниками

византийских императоров.

Ранним утром 12 ноября 1472 года Софья Палеолог прибыла в Москву, где все было готово к свадебному торжеству, приуроченному к именинам великого князя – дню памяти святого Иоанна Златоуста. В тот же день в Кремле во временной деревянной церкви, поставленной около строящегося Успенского собора, чтобы не прекращать богослужений, государь обвенчался с ней.

Византийская принцесса впервые тогда увидела своего супруга. Великий князь был молод – всего 32 года, хорош собой, высок и статен. Особенно замечательными были его глаза, «грозные очи»: когда он гневался, женщины падали в обморок от его страшного взгляда. Но на невесту он смотрел с восхищением. И она, видевшая в Риме очень мало светловолосых и светлоглазых мужчин, вопреки всем приличиям, не могла отвести от жениха зачарованного взора. Любовь с первого взгляда? Да, такое случается и при династических браках, хотя значительно реже, чем хотелось бы.

Венчание в деревянной церквушке произвело сильное впечатление на Софью Палеолог. Византийская принцесса, воспитанная в Европе, многим отличалась от русских женщин. Софья принесла с собой свои представления о дворе и могуществе власти, и многие московские порядки пришлись ей не по сердцу. Ей не нравилось, что ее державный муж остается данником татарского хана, что боярское окружение ведет себя слишком вольно со своим государем. Что

русская столица, построенная сплошь из дерева, стоит с залатанными крепостными стенами и с обветшавшими каменными храмами. Что даже государевы хоромы в Кремле деревянные и что русские женщины глядят на мир из окошечка светелок.

И манера поведения супруга ей не нравилась: слишком прост для государя. Чуть ли не с первой ночи Софья начала нашептывать мужу о том, что он – прямой наследник трона византийских императоров, что не пристало великому государю выслушивать боярские попреки, да терпеть их склоки, что он должен... должен... должен...

И прежде Иван Васильевич отличался крутым характером, а теперь, породнившись с византийскими монархами, превратился в грозного и властного государя. Софья могла быть довольна: супруг оказался прилежным и понятливым учеником.

После свадьбы и сам Иван III почувствовал необходимость перестроить Кремль в могущественную и неприступную цитадель. Все началось с катастрофы 1474 года, когда Успенский собор, возводимый псковскими мастерами, рухнул. В народе тотчас поползли слухи, что беда стряслась из-за «грекини», прежде пребывавшей в «латинстве». На самом деле, виной всему был плохо обожженный кирпич.

Пока выяснили причины обрушения, Софья посоветовала мужу пригласить итальянских архитекторов, которые тогда были лучшими мастерами в Европе. Их творения могли

сделать Москву равной по красоте и величественности европейским столицам и поддержать престиж московского государства, а также подчеркнуть преемственность Москвы не только Второму, но и Первому Риму.

Ученые подметили, что итальянцы ехали в неведомую Московию без страха, ибо деспина могла дать им защиту и помощь. Именно Софья подсказала мужу мысль пригласить знаменитого Аристотеля Фиораванти, о котором она могла слышать в Италии или даже знать его лично, ведь он был на родине знаменит как «новый Архимед».

В Москве его ждал особый, секретный заказ. Фиораванти составил генеральный план нового Кремля, возводимого его соотечественниками. Есть предположение, что неприступную крепость соорудили и для защиты либерии. В Успенском соборе зодчий сделал глубокий подземный склеп, куда сложили бесценную библиотеку...

Этот-то тайник и обнаружил случайно великий князь Василий III спустя много лет после смерти родителей. По его приглашению в 1518 году в Москву для перевода этих книг приехал Максим Грек, который будто бы успел рассказать о них перед смертью Ивану Грозному, сыну Василия III.

Где оказалась эта библиотека во времена Грозного, до сих пор неизвестно. Ее искали и в Кремле, и в Коломенском, и в Александровской слободе, и на месте Опричного дворца на Моховой. А теперь появилось предположение, что либерия покоится под дном Москвы-реки, в подземельях, про-

рытых от палат Малюты Скуратова.

Москва отстраивалась в камне и хорошела, а вот семейная жизнь Софьи протекала не слишком гладко. Нет, муж любил ее без памяти, и дня не мог прожить без своей «грекини», но... Но через год с небольшим после свадьбы Софья родила первую (быстро умершую) дочь Анну, затем еще одну дочь (также умершую столь быстро, что ее не успели окрестить), потом еще одну... Великий князь не слишком горевал по этому поводу – у него уже был законный и прямой наследник, сын от первой супруги князь Иван Младой. Но Софья-то прекрасно понимала, что люто ненавидевший ее пасынок мгновенно отправит мачеху в монастырь, случись что с великим князем. Вот если бы и у нее родился сын...

И тут одна из сенных девок великой княгини вдруг рассказала, что объявилась на Москве знатная ворожея, которая помогает зачать младенца только мужского пола. И не было-де случая, чтобы после ее ворожбы рождались девки. Софья сперва загорелась мыслью встретиться с этой ворожей и... Даже попросила сенную девку устроить эту встречу. А потом все-таки решила с мужем посоветоваться: все-таки она не просто горожанка, а супруга великого князя. Как бы впросак не попасть в чужой-то стране, не зная обычаев. И чуть не умерла от страха, когда, не дослушав ее, супруг яростно закричал:

– Да я тебя в темницу заточу, дуру непроходимую, в подземелье сгною, окаянную, плетьюми велю на площади выстебать

прилюдно, своими руками придушу, если ты с какой-нибудь ворожейкой свяжешься!

Софья от страха разрыдалась. А слез жены великий князь спокойно видеть не мог. Поцеловал, приласкал и уже спокойно объяснил, отчего так разгневался. Тут-то Софья и узнала, от чего скончалась первая супруга ее мужа. А узнав, перепугалась еще больше. Тогда-то, может, злого умысла и не было, а теперь точно кто-то хочет извести «грекиню», воспользовавшись ее мечтой родить сына.

Страх смерти воскресил в ней воспоминания о византийских тайнах и хитростях, среди которых прошло ее детство. Не отдала она сенную девку на расправу палачам, как сперва хотела, а ласково вызнала, откуда та узнала про ворожею. Впрочем, об ответе она и сама могла бы догадаться: от слуги князя Ивана Младого. И снова Софья сдержала себя, не кинулась к мужу с жалобой на пасынка, а лишь стала еще осторожней. Береглась, как могла: ввела в штат своих придворных особых отведывателей пищи (вещь доселе на Руси неслыханная, но совершенно обыденная при византийских дворах). Окружила себя гречанками и итальянками, сделав исключение только для русских жен своих греческих приближенных.

И... улыбалась. Улыбалась всем и каждому, так, что казалось: эта улыбка намертво приклеена к лику великой княгини. А уж с мужем и подавно всегда была кротка и весела, но как-то сумела сделать так, что супруг постепенно стал

советоваться с нею в принятии любых государственных решений. С детства усвоенные византийские дипломатические приемы отлично прижились на благодатной российской почве, да и влияние великой княгини на супруга было огромным. Бояре попритихли. А через семь лет после свадьбы, 25 марта 1479 Софья родила, наконец, сына, будущего князя Василия III Ивановича.

И поняла, что вся ее борьба не только за власть, но и за выживание еще впереди. Иван Младой, сам к тому времени женившийся и ставший отцом, по-прежнему мечтал извести ненавистную мачеху.

Пасынка же ее вечная улыбочка бесила. На каждом углу ворчал, что в Кремле проходу не стало от иностранцев. И доворчался. Софья ласково объяснила своему супругу, что старые кремлевские покои и впрямь тесны и неудобны, что надобно строиться заново – в камне, на века!

И в Кремле закипела перестройка, которой руководили те же итальянцы. А кому, как не им? Успенский собор Фьораванти возвел так, что он стал знаком преображения и возвышения Руси. Отныне только здесь венчали на царство, сочетали браком высоких особ, проводили самые важные богослужения.

В 1491 году была сооружена Грановитая палата, попасть в которую можно было только через роскошное Красное крыльцо. Перестраивались в камне и остальные кремлевские сооружения, возводились заново стены и башни вокруг са-

мого Кремля. Был построен Архангельский собор. Но – и это было, пожалуй главным, – незаметно, исподволь менялся сам уклад жизни при царском дворе. Кремлевская деспина мечтала возродить на Руси пышность и сложность византийских дворцовых церемоний. Что ж, ей это вполне удалось.

Удалось прежде всего потому, что Софья внушила не только своему мужу, но и всем боярам основную мысль: она, византийская принцесса, через брак делает московских государей прямыми преемниками византийских императоров – со всеми интересами православного Востока, каких придержались за этих императоров. Именно отсюда идет поговорка – «Москва – Третий Рим». Потому-то Софью все-таки ценили и уважали в Москве, потому-то она и сама гордилась не столько тем, что стала великой княгиней московской, сколько тем, что была урождена принцессой византийской.

В Троицком Сергиевом монастыре до сих пор хранится шелковая пелена, шитая руками этой великой княгини, когда она уже прожила в замужестве больше четверти века – в 1498 году. Софье, кажется, пора уже было забыть и про свое девичество, и про прежний титул, но в подписи на пелене она все еще величает себя «царевною царегородскою», а не великой княгиней московской.

Это не просто родовая гордость – это еще и большая политика. Софья, как царевна, пользовалась в Москве правом принимать иноземные посольства – дело на Руси неслыхан-

ное. Но ведь она была урожденной Палеолог, о чем никому и никогда не позволяла забыть. И браком с великим князем московским подчеркивала, что, как наследница павшего византийского дома, перенесла его державные права в Москву – новый Царьград – где и разделяет их со своим супругом.

Супруг же действительно почувствовал себя преемником и наследником византийского трона. При московском дворе постепенно стал заводится тот сложный и строгий церемониал, который и придал в конце концов невероятную чопорность и натянутость придворной московской жизни. Мало того: и во внешней политике князь Иван Васильевич почувствовал себя несравненно более великим и могучим, особенно после того, как чудесным образом, само собою, без бою рухнуло ордынское иго, тяготевшее над северо-восточной Русью два с половиной столетия.

В московских правительственных, особенно дипломатических, бумагах с той поры является новый, более торжественный язык, складывается пышная терминология, незнакомая московским дьякам прежних лет. Между прочим, для едва воспринятых политических понятий и тенденций не замедлили подыскать подходящее выражение в новых титулах, какие появляются в актах при имени московского государя. Много исконно русских земель еще оставалось за Литвой и Польшей, но Иван III впервые отважился показать европейскому политическому миру помпезный титул «Государь всея Руси». И – опять же впервые – в дипломатических

бумагах появляется слово «царь» – сокращенная южнославянская и русская форма латинского слова цесарь, или кесарь. Это – славянский перевод византийского императорского титула.

Брак с Софьей позволял Ивану III считать себя единственным оставшимся в мире православным и независимым государем, какими были византийские императоры, и верховным властителем Руси, бывшей под властью ордынских ханов. Усвоив эти новые пышные титулы, Иван нашел, что теперь ему «не пригоже» называться в правительственных актах просто по-русски Иваном, государем великим князем, а начал писаться в церковной книжной форме: «Иоанн, божиею милостью государь всея Руси».

Но московским политикам начала XVI века мало было брачного родства с Византией: хотелось породниться и по крови, притом с самым корнем или мировым образцом верховной власти – с самим Римом. В московской летописи того века появляется новое родословие русских князей, ведущее их род прямо от... императора римского. Составилось сказание, будто Август, кесарь римский, обладатель всей вселенной, когда стал изнемогать, разделил вселенную между братьями и сродниками своими и брата своего Пруса посадил на берегах Вислы-реки по реку, называемую Неман, что и доныне по имени его зовется Прусской землей, «а от Пруса четырнадцатое колено – великий государь Рюрик».

Вот так и пишется история, так и создаются легенды о знатнейшем происхождении того или иного рода. Цари в этом плане – не исключение, и человеческое тщеславие им свойственно не меньше, чем любому простому смертному из числа их подданных.

Какое-то время Софья Палеолог поддерживала связи со своей семьей. Дважды в Москву с посольствами приезжал ее брат Андреас, или Андрей, как называют его русские летописи. Приводило его сюда прежде всего желание поправить свое материальное положение. И в 1480 году ему это в какой-то мере удалось: он выдал замуж свою дочь Марию за князя Василия Верейского, родного племянника Ивана III. Но этот брак едва не стал причиной опалы для самой Софьи.

Ее пасынок, Иван Младой, женился на дочери Стефана Великого, господаря Валахии (Молдавии), который был старинным другом и союзником Великого князя Московского. Так что Елену Волошанку приняли при дворе с распростертыми объятиями, осыпали милостями и подарками, а уж когда она через девять месяцев после свадьбы родила сына, гордости и радости Ивана Васильевича не было предела. Специальным указом он повелел считать Ивана Младого единственным и законным наследником, «а буде он скончает живот свой, то быть после него великим князем сыну его Димитрию...»

Конечно, такой порядок престолонаследия был спаситель-

ным для Софьи: ни ей, ни ее сыновьям (а всего она родила пятерых, дочери – не в счет) уже не угрожала физическая расправа. Но расстаться с мечтами о троне для своего первенца Софья не могла, да и не хотела. И тут, как нарочно, грянула буря: в честь рождения внука Иван Васильевич преподнес своей невестке драгоценное ожерелье (так называемое «саженье»), принадлежавшее его первой супруге. То есть объявил, что жалует любезную ему сноху этой драгоценностью, но... Но ожерелья в царской казне уже не было: Софья Фоминишна подарила его своей племяннице, молодой княгине Верейской.

«...Восхоте князь великий дарити сноху первой своей великой княгини саженьем, и просил у той второй княгини великой римлянки. Она же не даст, понеже много истеряла казны великого князя; брату давала, кое племяннице давала, и много...», – так, не без злорадства, описали многие летописные своды это событие.

Разгневанный Иван III потребовал от Василия Верейского вернуть сокровище и после того, как последний отказался сделать это, хотел заключить его в тюрьму. Князю Василию ничего не оставалось, как вместе с женой Марией бежать в Литву; при этом они едва ушли от посланной за ними погони.

Софья Палеолог допустила очень серьезный промах. Великокняжеская казна была предметом особых забот не одного поколения московских государей, которые старались при-

умножать фамильные сокровища. Летописи и в дальнейшем допускали не очень доброжелательные отзывы в адрес великой княгини Софьи. Видимо, иноземке было трудно постигать законы новой для нее страны, страны со сложной исторической судьбой, со своими традициями. А великая княгиня, следуя византийским традициям, тратила немалые средства на подкуп бояр, дабы обеспечить поддержку себе и своим детям.

Об этом ее супруг, к счастью, не дознался. Тогда Софья отделалась, что называется, легким испугом. Но второй случай был куда серьезнее. Внезапно и тяжело заболел старший сын Ивана Васильевича, Иван Младой. Софья же приглашала из Италии не только зодчих, но и врачей для семьи великого князя. А занятие врачеванием было тогда очень опасным для иностранцев, особенно когда дело касалось лечения первого лица государства. Требовалось полное выздоровление высочайшего пациента, в случае же смерти больного у самого врача отнималась жизнь.

Так, лекарь Леон, выписанный Софьей из Венеции, поручился головой, что вылечит князя Ивана Малого, у которого на ногах невыносимо болели гноящиеся, кровоточащие язвы. Однако лечение не помогло: наследник умер, а лекаря, в соответствии с его собственным самонадеянным желанием, казнили. Но народ обвинил в смерти молодого князя Софью: ей особенно могла быть выгодна смерть наследника.

Над головой Софьи нависли грозные тучи: начались рас-

при по поводу наследника престола. У Ивана III от старшего сына остался внук Дмитрий, Софья же мечтала о троне для своего старшего сына Василия. Кому из них должен был достаться престол? Эта неопределенность стала причиной борьбы между двумя придворными партиями – сторонниками Дмитрия и его матери Елены Волошанки и сторонниками Василия и Софьи Палеолог.

К моменту начала спора о наследнике престола Елена Волошанка была великой княгиней тверской, личностью с немалыми политическими амбициями: она желала видеть своего сына на троне и не гнушалась ради этого никакими средствами, в том числе, и не слишком чистыми.

«Грекиню» обвинили в нарушении законного престолонаследия. В 1497 году недруги наговорили великому князю, будто Софья хочет отравить его внука, чтобы посадить на престол собственного сына, что ее тайно посещают ворожеи, готовящие ядовитое зелье, и что сам Василий участвует в этом заговоре. Иван III принял сторону внука, арестовал Василия, ворожей велел утопить в Москве-реке, а жену от себя удалил, демонстративно казнив нескольких членов ее «думы». Уже в 1498 году он венчал в Успенском соборе Дмитрия как наследника престола.

Ученые считают, что именно тогда зародилось знаменитое «Сказание о князьях Владимирских» – литературный памятник конца XV – начала XVI веков, где повествуется о шапке Мономаха, которую византийский император Константин

Мономах будто бы прислал с регалиями своему внуку – киевскому князю Владимиру Мономаху. Таким образом доказывалось, что русские князья породнились с византийскими правителями еще во времена Киевской Руси и что потомок старшей ветви, то есть Дмитрий, обладает законным правом на престол.

Однако способность плести придворные интриги была у Софьи в крови. Она сумела добиться падения Елены Волошанки, обвинив ее в приверженности ереси. Масла в огонь добавил сам царевич Дмитрий, который весьма самоуверенно называл себя «царем» и уже приказывал чеканить собственные монеты с изображением двуглавого орла и весьма мало считался с мнением деда, не скрывая, что ждет не дождется его кончины.

Как ни странно, князь Иван Васильевич стерпел эту дерзость внука, но не стерпел другое. За четыре года до начала этих распрей выписал он из Италии пушкарей, серебряных дел мастеров и других ремесленников, а те все не ехали и не ехали. Елена Волошанка не раз ядовито намекала, что свекровь по старческой забывчивости никого и не выписывала. И вдруг ведомо стало князю Московскому, что мастера те уже давным давно трудятся на его свата, господаря Стефана Валашского, отца Елены. Узнав, как провели его сноха и сват, Иван Васильевич разгневался не на шутку. Невестка и внук оказались в жесткой опале, а в 1500 году великий князь Московский нарек сына Василия законным наследни-

ком престола.

Но не случайно современники этой великой княгини отмечали, что она «была ума весьма горделивого», намекая на исключительную хитрость. Через два года после раскрытия заговора Иван III не только снял «опалу» с жены и сына, но и старые «обычаи переменял», удалился от бояр и, по их словам, «запершыся, у постели теперь всякие дела решал». По наущению Софьи Елена Стефановна вместе с коронованным в 1498 г. на царство сыном Дмитрием были брошены в заточение, где впоследствии и умерли.

Кто знает, по какому пути пошла бы русская история, если бы не Софья! Но Софье выпало недолго наслаждаться победой. По иронии судьбы, как только миновала опасность для жизни, кончились дворцовые интриги, великая княгиня словно погасла. Она отвыкла жить спокойно, выдержала только год и умерла в апреле 1503 года. Последняя принцесса из рода Палеолог была с почетом похоронена в великокняжеской усыпальнице Вознесенского женского монастыря в Кремле.

Иван III умер два года спустя, и в 1505 году на престол взошел Василий III.

В наши дни ученые сумели восстановить по черепу Софьи Палеолог ее скульптурный портрет. Перед нами предстает

женщина выдающегося ума и сильной воли, что подтверждает многочисленные предания, сложенные вокруг ее имени. Но больше всего поражает ее внешнее сходство с Иваном Васильевичем Грозным – ее знаменитым внуком.

Кровь – действительно великая сила. Византийка сумела передать ее через поколения, как сумела воистину сделать Москву Третьим Римом.

Любезная в царицах Ирина

Она была взята в царские палаты в возрасте семи лет, и воспитывалась там до брака. Вероятно, во дворец Ирина попала в 1571 году, когда её дядя Дмитрий Иванович был пожалован в думу в чине постельничего. До совершеннолетия Ирина воспитывалась в царских покоях вместе с братом Борисом, находившимся «при его царьских пресветлых очах всегда безотступно по тому же не в совершенном возрасте, и от премудрого его царьского разума царственным чином и достоянию навывк».

Она же стала первой русской САМОДЕРЖАВНОЙ ЦАРИЦЕЙ после смерти своего супруга, царя Федора Иоанновича. И могла бы царствовать, но... «не возжелала». Номинально побыв царицей неделю, Ирина приняла постриг в Новодевичьем монастыре как инокиня Александра, и уже не покидала монастырских стен до своей смерти.

Дочь костромского помещика, не титулованного боярина Федора Годунова Ирина родилась в 1557 году. Она была младшей сестрой будущего царя Бориса Годунова. Начиная с середины XVI века дядя Бориса и Ирины занимали достаточно высокое положение при московских государях. Их дядя Дмитрий Иванович был пожалован в думу в чине постельничего.

Потому-то брат с сестрой еще в детские годы оказались при царском дворе, где воспитывались вместе с детьми Ивана IV. Этим в значительной степени объясняются крепкие связи Бориса и Ирины с царевичем Федором, унаследовавшим от отца в 1584 году русскую корону.

В 1580 году Ирина стала женой царевича Федора, а ее брат, Борис Годунов, достаточно рано, в 28 лет, получил боярство. Сватовство происходило без традиционного царского смотра невест, стараниями дядьев и самого Бориса. Просто царевич Федор не мыслил себе иной жены, кроме Ирины, к которой привязался с момента ее появления при дворе. И решительно отклонял любые другие кандидатуры, коих было предостаточно.

Брак с Фёдором совершился по воле царя [битая ссылка] Ивана IV и послужил новой ступенью для возвышения Годунова, дальнейшее влияние которого на Фёдора в значительной мере основывалось на любви последнего к Ирине. Свадьбе способствовал дядя Дмитрий Иванович, постельничий царя. На момент свадьбы Ирине было 23 года, так же как и ее мужу Федору Иоановичу.

3 июля 1583 года в царских палатах произошло одно из самых загадочных убийств не только XVI века, но и, пожалуй, всех правящих династий Европы. Иван Грозный в припадке гнева что есть сил ткнул своего сына царевича Ивана посохом в висок. Удар был сильным и точным – бедный царевич скончался на месте.

Говорили, что Иван Грозный сильно переживал о случившемся, ведь это был его старший, и самый любимый сын. Второй сын изначально не был готов к тому, чтобы править страной. «Постник и молчальник, быть бы ему монахом, а не царем», – изрек как-то государь.

Говорили также, что Борис Годунов – любимец царя – пытался заступиться за царевича и тоже был ранен. Это еще сильнее привязало к нему горько раскаивавшегося в своем поступке Грозного.

Ирина ухаживала за больным Иваном IV перед его смертью и позаботилась о том, чтобы Годунов, несмотря на жестокие нападки со стороны бояр, не впал в глазах умирающего в немилость. Карамзин же пишет, что за три дня до смерти царя Ивана IV, пришла было утешить больного, но «бежала с омерзением от его любострастного бесстыдства».

Самолюбивая, гордая и очень красивая Ирина Федоровна вышла замуж за слабого волей и здоровьем Федора Ивановича исключительно по любви. Царевич Иван пребывал тогда в добром здравии, его супруга ожидала наследника, и стать царицей Ирина рассчитывать не могла, хотя некоторые историки ее упрекали именно в этом тщеславном желании.

Ирина Федоровна стала царицей в 27 лет, когда на престол вступил ее супруг. И почти сразу стала весьма значимой фигурой в общественно-политической жизни.

«Ирина Годунова, в отличие от предшествовавших цариц, играла общественную и политическую роль, которая

уже расходилась с образом женщины, проводившей большую часть времени в тереме».

Она не только принимала иностранных послов, но и участвовала в заседаниях боярской Думы. Сохранился ряд документов, где рядом с подписью царя Федора есть подпись царицы Ирины. Она вела переписку с королевой Елизаветой Английской (именовавшей её *«любезнейшею кровною сестрою»*) и патриархом Александрийским, предпринимала усилия для признания Русской православной церкви, которая тогда ещё не являлась патриархатом.

Она посылала патриарху дорогие подарки – и в ответ в июле 1591 года он прислал ей часть мощей св. Марии Магдалины (*«от руки перст»*) и *«венец царской золот, с камнем и с жемчюги»*.

В январе 1589 года Ирина в Золотой царицыной палате приняла Константинопольского патриарха Иеремию, прибывшего в Москву, чтобы учредить в России патриаршую кафедру и поставить на неё Иова – первого русского патриарха. Событие, о котором практически ничего не пишут историки, но которое имело для Руси колоссальное значение: отныне она становилась независимой от киевского патриарха. Роль царицы Ирины в этом трудно переоценить.

Описание этого события оставил епископ Арсений Еласонский, сопровождавший церковного иерарха в Россию:

«Тихо поднялась царица с своего престола при виде патриархов и встретила их посреди палаты, смиренно прося

благословения. Вселенский святитель, осенив ее молитвенно большим крестом, воззвал:

– Радуйся благоверная и любезная в царицах Ирина, востока и запада и всяя Руси, украшение северных стран и утверждение веры православной!»

Затем патриарх московский, митрополиты, архиепископы, епископы и прочие благословляли царицу (не царя!) и говорили ей подобные приветственные речи. Ирина... выступила с ответной речью. Дело для Руси неслыханное – публичное явление царской супруги, да еще с речью. Это первый случай публичного выступления русских государынь, известный по письменным источникам.

– Великий господин, святейший Иеремия цареградский и вселенский, старейший между патриарха ми! Многое благодарение приношу святыне твоей за подвиг, какой подъял на пути странствия в нашу державу, дабы и нам даровать утешение видеть священную главу твою, уважаемую паче всех в христианстве православном, от коей и мы восприяли благодать ныне, и за сие воздаем хвалу Всемогущему Богу и Пресвятой Его Матери и всем святым, молитвами коих сподобились такой неизреченной радости. Воистину ничто не могло быть честнее и достохвальнее пришествия твоего, которое принесло столь великое украшение церкви Российской, ибо отныне возвеличением достоинства ея митрополитов в сан потриарший, умножилась слава всего царства по вселенной. Сего искони усердно желали проро-

дители наши, христолюбивые государи, великие князья и цари, и не сподобились видеть исполнения своих благочестивых желаний; и ныне на сей их возжеланный конец, чрез многие подвиги дальнаго странствия, привел во дни нашей державы твою святыню Всемогущий Бог.

После этой «прекрасной и складной» речи, по отзыву епископа Арсения, царица, отступив немного, стала между своим мужем, царем Федором, и братом Борисом.

Гостей потряс богатый наряд царицы. Арсений отмечает, что если бы у него было и десять языков, то и тогда он не смог рассказать о всех виденных им богатствах царицы:

«И все это видели мы собственными глазами. Малейшей части этого великолепия достаточно было бы для украшения десяти государей».

После обмена речами боярин Дмитрий Иванович Годунов передал обоим патриархам подарки от царицы – каждому по серебряному кубку и бархату чёрному, по две камки, по две объяры и по два атласа, по сороку соболей и по 100 рублей денег. Вручая дары, он сказал патриарху:

– Великий господин, святейший Иеремия цареградский и вселенский! Се тебе милостивое жалованье царское, да молишь усердно Господа за великую государыню царицу и великую княгиню Ирину и за многолетие великого государя и о их чадородии.

Патриарх благословил царицу и помолился о даровании ей «царского наследия плода». Когда завершилась церемо-

ния вручения даров и другим участникам приема (в том числе и епископу Арсению), царица, «печальная о своем неплодии», вновь обратилась к патриарху и сопровождавшему его духовенству с просьбой усерднее молиться о даровании ей и царству наследника.

— О великий господин, святейший Иеремия вселенский, отец отцов, и ты, святейший Иов, патриарх московский и всея Руси, и вы все, преосвященные митрополиты, архиепископы и епископы и весь освященный собор! Бога Всемогущаго блаженные служители, сподобившиеся большой милости и благодати у Господа и Его Пречистой Матери и всех святых от века угодивших Богу, и к ним непрестанно возсылающие молитвы! Молю вас и заклинаю, из глубины души моей и с стенанием сокрушеннаго сердца, всеми силами усердно молитесь Господа за великого государя и за меня, меньшую из дочерей ваших, дабы благоприятно внял молитву вашу и даровал нам чадородие, и благословеннаго наследника сего великаго царства, владимирскаго и московскаго и всея России.

Трогательная речь царицы Ирины произвела впечатление. Как пишет Арсений Елассонский, все «плакали и единомушно молили об исполнении ее заветного желания».

Государь Федор Иванович и царица Ирина проводили патриархов до дверей Золотой палаты, приняли от них ещё благословение.

Царь Федор Иванович, судя по всему, очень любил и це-

нил свою жену. Все предпринимавшиеся попытки высшей знати развести его с Ириной Годуновой, не давшей русскому престолу наследника, ни к чему не привели. Единственный ребенок царя – дочь Феодосия жила недолго, менее двух лет.

Царь Федор долго и часто болел. Во время одной, особо тяжелой болезни, в начале 1585 года, когда медики опасались наихудшего исхода, Борис Годунов совершил серьёзный промах, направив нескольких доверенных лиц в Вену. Переговоры с венским двором были окружены строжайшей тайной.

«Не рассчитывая на то, что Ирина Годунова сохранит трон после смерти мужа, Борис тайно предложил Вене обсудить вопрос о заключении брака между нею и австрийским принцем и о последующем возведении принца на московский трон. Правитель не видел иных способов удержать власть. Но затеянное им сватовство завершилось неслыханным скандалом. Царь Федор выздоровел, а переговоры получили огласку».

Это сильно подорвало положение Бориса при царе, однако он как-то сумел выпутаться и из этой ситуации.

В том же году англичанин Джером Горсей по поручению Бориса прислал из Англии на Русь акушерку для помощи Ирине.

«Еще 15 августа 1585 г. Борис прислал к Горсею своего конюшего с запиской, в которой настоятельно просил, чтобы доктор прибыл, „запасшись всем нужным“. Через Горсея

Борис обратился к лучшим английским медикам за рекомендациями относительно царицы Ирины, указывая, что время своего замужества царица часто бывала беременна (в своих записках Горсей написал эти слова русскими буквами ради сохранения тайны), но каждый раз неудачно разрешалась от бремени».

Горсей консультировался с лучшими врачами в Оксфорде, Кембридже и Лондоне. Королеве Елизавете агент Годунова объявил, что царица Ирина пять месяцев как беременна, и просил поспешить с исполнением её просьбы.

В конце марта 1586 г. Горсей получил от Елизаветы письма к царю Федору и с началом навигации отплыл в Россию. При нём были королевский медик Роберт Якоби и повивальная бабка». Акушерка была задержана в Вологде. Но дело получило преждевременную огласку и принесло много неприятностей Борису. Ему пришлось прибегнуть к хитрости, чтобы не допустить обсуждения щекотливого вопроса в Боярской думе.

Обращение к «иноверцам» и «еретикам» привело в неистовство противников Бориса, ревностно заботившихся о благочестии и не допускавших мысли о том, что «еретическая дохторица» (повивальная бабка) может облегчить появление на свет православного царевича.

Могли бы вмешаться церковные иерархи, о которых столько радела царица Ирина, но, по-видимому, не сочли нужным. «Чистота веры» была для них гораздо важнее же-

лания царской четы иметь законное потомство. А ведь история России могла сложиться совершенно иначе, сумей Ирина с помощью английской акушерки произвести на свет здорового ребенка.

Но наследника престола в этой семье так и не дождались. Активнее стали попытки боярской верхушки развести царя Федора с Ириной Годуновой: отсутствие наследника престола считалось в прошлом серьезной государственной проблемой. Бояре впрямую требовали от царя сослать «неплодную» супругу в монастырь и взять за себя кого-либо из знатных девиц. Но слабый и в общем-то безвольный царь Федор в этом вопросе был непреклонен: он любил Ирину и не желал иной жены.

Русские писатели XVII в. старались щадить имя благодетельной Ирины Годуновой. Тем не менее, в их сочинениях также можно обнаружить намеки на подготавливавшийся развод. Осведомлённый московский дьяк Иван Тимофеев в обычных для него туманных выражениях повествует о том, что Борис насильственно постригал в монастырь девиц – дочерей первых (!) после царя бояр, опасаясь возможности повторного брака Фёдора: *«яко да не понудится некими царь принята едина от них второбрачием в жену неплодства ради сестры его»*.

Осторожный дьяк не назвал имен «неких» лиц, которые «понуждали» Фёдора ко «второбрачию». Более того, он умолчал о том, существовала ли угроза «понуждения» ца-

ря к разводу или «некие» лица привели её в исполнение. А угроза существовала и конкретные лица, заинтересованные во вторичном браке царя – были.

Хотя позиции Ирины при дворе были чрезвычайно сильны, неудачи Бориса предоставили его недоброжелателям возможность сместить его лучшую помощницу. В 1587 году против Ирины возник боярский заговор.

Во главе с Дионисием, митрополитом Московским и князем Шуйским заговорщики хотели потребовать от царя Фёдора, чтобы он разошёлся с женой, как с не произведшей до сих пор на свет наследника. Земцы явились во дворец и подали Федору прошение, *«чтобы он, государь, чадородия ради второй брак принял, а первую свою царицу отпустил во иноческий чин»*.

«Прощение» равнозначно было соборному приговору: его подписали регент князь Иван Шуйский и другие члены Боярской думы, митрополит Дионисий, епископы и вожди посада – гости и торговые люди. Чины требовали пострижения Ирины Годуновой, а следовательно, и удаления Бориса. Выступление земщины носило внушительный характер.

Но Фёдор решительно воспротивился, чего от него никто не ожидал. 13 октября 1586 года митрополит Дионисий был лишен сана, пострижен в монахи и сослан в Хутынский монастырь в Новгороде. Его «собеседника» крутицкого архиепископа Варлаама Пушкина заточили в новгородский Антониев монастырь, Василий Шуйский был сослан в Буй-

город, в Суздальский Покровский монастырь была сослана княгиня Марфа Ивановна Татеева.

Бояре и духовенство притихли.

Но ситуация обострялась неприязнью к Борису Годунову, представителю рядового дворянства, занявшему первое место при царской особе и фактически правившему страной от имени Федора Иоановича. Усилились стремления во что бы то ни стало устранить его от власти. Но и тут боярские интриги столкнулись с категорическим отказом царя удалить от себя брата любимой жены.

В 1590 году, Ирина, пока её супруг воевал со шведами, находилась в Новгороде.

Наконец, 29 мая 1592 года родилась их единственная дочь Феодосия Федоровна, однако вскоре скончалась. Во время её рождения среди народа ходили слухи, что на самом деле у Фёдора родился сын, но его подменил девочкой незнатных родителей Борис Годунов. Благодаря этому во время Смуты возникло много самозванцев, выдававших себя за сына царя Фёдора.

И об этом, кстати, историки предпочитают умалчивать. Все внимание – на Самозванца и его последователей под именем Дмитрия. Совсем заслонила фигура «злодея-Годунова» его шурина-царя. Да и сестру заодно.

После смерти царя Федора в 1598 году явно обозначились уже конкретные претензии Бориса Годунова на русский трон.

Официальная версия, исходившая от Годуновых, была такой:

«Как значилось в утвержденной грамоте, Федор „учинил“ после себя на троне жену Ирину, а Борису „приказал“ царство и свою душу в придачу». То есть оставлял Ирину царствовать, но не править – править должен был ее брат в качестве своего рода «премьер-министра».

Окончательная редакция той же грамоты гласила, что царь оставил «на государствах» супругу, а патриарха Иова и Бориса Годунова назначил своими душеприказчиками.

Наиболее достоверные источники повествуют, что патриарх тщетно напоминал Федору о необходимости назвать имя преемника. Царь по обыкновению отмалчивался и ссылался на волю божью. Будущее жены его тревожило больше, чем будущее трона.

По словам очевидцев, перед самой смертью Федор все-таки наказал Ирине «принять иноческий образ» и закончить жизнь в монастыре.

После смерти Фёдора бояре, опасаясь бедствий междоусобицы, решили присягнуть Ирине. Этим путем они собирались воспрепятствовать вступлению на трон Бориса Годунова.

Преданный Борису Иов разослал по всем епархиям приказ целовать крест царице. Обнародованный в церквях пространный текст присяги вызвал общее недоумение. Подданных заставили принести клятву на верность патриарху Иову

и православной вере, царице Ирине, **правителю Борису и его детям.** Под видом присяги церкви и царице правитель фактически потребовал присяги себе и своему наследнику, создавая тем самым новую династию.

Испокон веку в православных церквях пели «многие лета царям и митрополитам». Патриарх Иов не постеснялся нарушить традицию и ввел богослужение в честь вдовы Федора. Летописцы сочли такое новшество неслыханным.

«Первое богомолие (было) за неё, государыню, – записал один из них, – а преж того ни за которых цариц и великих княгинь бога не молили ни в охтенях, ни в многолетье».

Иов старался утвердить взгляд на Ирину как на законную носительницу самодержавной власти. Но ревнители благочестия, и среди них дьяк Иван Тимофеев, заклеямили его старания, как «бесстыдство» и «нападение на святую церковь».

Воистину, ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Сначала Борис Федорович попытался закрепить бразды правления государством за своей сестрой. И до середины января 1598 года статус «государыни» подтверждает целый ряд документов, составленных от ее имени. Так «по приказу государыни царицы и великой княгини Ирины Федоровны всеа Руси» после смерти царя Федора были разосланы воеводы «по городом на Литовскую и на Немецкую Украину для укрепления Московского государства от пограничных государств».

Но длилось самостоятельное правление царицы Ирины немногим более недели, а не заладилось уже с первых дней. Через неделю после кончины мужа она объявила о решении постричься. В день её отречения в Кремле собрался народ. Официальные источники позже писали, будто толпа, переполненная верноподданническими чувствами, слезно просила вдову остаться на царстве. Реально настроения народа внушали тревогу властям. Голландец Исаак Масса подчеркивал, что отречение Годуновой носило вынужденный характер:

«Простой народ, всегда в этой стране готовый к волнению, во множестве столпился около Кремля, шумел и вызывал царицу... Дабы избежать великого несчастья и возмущения, Ирина вышла на Красное крыльцо и объявила о намерении постричься».

Австриец Михаил Шиль пишет, что взяв слово после сестры, Борис заявил, что берет на себя управление государством, а князья и бояре будут ему помощниками.

На 9-й день после смерти мужа, 15 января, Ирина удалилась в Новодевичий монастырь и постриглась там, приняв имя инокини Александры – и таким образом освободив дорогу брату:

«...Ирина Федоровна всеа Руси после государя своего царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси, оставя Российское царство Московское, и поехала с Москвы в Новодевичей манастырь». (Вплоть до избрания Бориса царём бояр-

ская дума издавала указы от имени «царицы Александры».)

Хотя сама она «с погребения не ходя во свои царские хоромы, повеле себя <...> отвести простым обычаем в престный монастырь <...> еже зовется Новый девич монастырь», где ее постригли и нарекли «во иноцех имя ей Александра, и пребываша она в келии своей от пострижения до преставления своего, кроме церкви божий нигде не ходяше».

Так что перед избранием нового царя шествие просителей от населения отправилось не в Кремль, а к Новодевичьему монастырю, где находился Борис, сопровождавший Ирину; там толпа убеждала его принять корону, он же отказывался.

Зато Ирина перед выборами немало сделала для воцарения брата: вела задушевные беседы с духовенством, боярами, купечеством, простолюдинами. Царицу-монахиню любили и к ее словам охотно прислушивались, но...

Есть свидетельства о том, что Годуновы нередко прибегали к подкупу. Так, Ирина хорошо понимала, что куда подается большинство, туда потянутся и остальные... Большими подарками она тайно склонила полковников и капитанов, чтобы они уговорили подчиненных себе воинов подавать голоса в пользу брата.

Ирина благословила брата на царство 21 февраля 1598 г. Земский собор 27 февраля 1598 года избрал Бориса царем. Гениальная сцена из пьесы Пушкина – почти полный вымысел, все было гораздо сложнее. Хотя бы потому, что простой

народ не любил Годунова за то же, за что не любили бояре – недостаточную древность и знатность рода.

В монастыре вдовствующая царица прожила пять лет и скончалась 29 октября 1603 года. Похоронили Ирину Годунову как и всех цариц, в Вознесенском монастыре московского Кремля.

В 1929—1931 гг. захоронения были разорены при его уничтожении, силами сотрудников перенесены в Архангельский собор, а затем в подземную палату рядом с ним.

«На старых планах Вознесенского собора и его некрополя погребение царицы Ирины отмечено номером 16 в юго-западном углу храма. Над её могилой размещался памятник, аналогичный тем, что и сегодня можно увидеть в мужском храме-усыпальнице, в Архангельском соборе Кремля – некрополе русских великих князей и царей. Ирину Федоровну похоронили в белокаменном, изготовленном из монолита саркофаге, имеющем антропоморфную форму – полукруглое оголовье и плечики. Надписи-эпитафии на крышке гроба не было в чѐм, возможно, проявился акт смирения и уничижения, свойственный монашеству.

Вскрытие захоронения Ирины Годуновой было проведено в 2001 году. В нём участвовала большая группа исследователей.

«Состояние скелета царицы – одного из важнейших объектов исследования – оказалось удовлетворительным. Его изучение показало, что какое-то заболевание, кото-

рым страдала Ирина, возможно наследственное, привело к значительной патологии костных тканей, что сказалось на опорно-двигательном аппарате этой ещё не старой женщины. В последние годы жизни ей, вероятно, было трудно ходить. Обострению болезни, возможно, способствовали и тяжелые условия жизни в монастыре – холодные каменные палаты, аскетизм монашеского бытия. Патология в области таза повлияла на способность вынашивать детей».

Удалось провести и специальный анализ кусочка мозга, обнаруженного в черепе царицы. Анализ установил повышенное содержание некоторых металлов – железа, меди, свинца и минералов – ртути и мышьяка. Из наиболее вредных веществ особенно повышено содержание свинца (в 80 раз), ртути (в 10 раз) и мышьяка (в 4 раза).

Объяснить это можно, скорее всего, тем, что Ирине Годуновой приходилось длительно лечиться мазями – ртутными, свинцовыми и другими. Такой вывод подтверждает и анализ костной ткани из погребения царицы Ирины.

P.S. Известны богатые вклады, сделанные в Троице-Сергиев монастырь по царской дочери Феодосии, по самой царице Ирине (Александре). Так, в 1593 году «сентября в 26 день государь же царь и великий князь Федор Иванович всея Руси пожаловал по своей царевне и великой княжне Феодосье вкладу 500 рублей». В 1603 году «октября в 31 день блаженные памяти по государыне царице и великой княгине Ири-

не, во иноцех Александре, пожаловал прислал вкладу государь царь и великий князь Борис Федорович всея Руси денег 1000 рублей». Зафиксировали документы и вклад самой царицы Ирины от 1598 года: «Преставися <...> государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси и по нем <...> пожаловала его благоверная царица и великая княгиня инока Александра прислала на сорокоусты и на церковное строение денег 3000 рублей».

И все равно – забыта.

Катерина-матка

Дочь неведомых лифляндских крестьян (то ли латышка, то ли эстонка, то ли литовка), крещеная Мартой, была воспитанницей-служанкой в доме протестантского пастора в Мариенбурге, полонянкой, недолгой забавой для солдат, любовницей сначала фельдмаршала, потом – князя, стала первой русской императрицей исключительно благодаря капризу Петра Великого. Впрочем, «каприз» этот оказался очень длительным – на всю оставшуюся жизнь Петра Алексеевича.

И продолжал править Россией еще три года после смерти великого преобразователя...

Уже много позже, когда Марта стала Екатериной, появились версии происхождения первой русской императрицы. По одной из них она была дочерью литовского крестьянина, то ли Самуила Скавронского, то ли Ивана Скаврощука. По другой – незаконнорожденной дочерью ливонского дворянина Альвендаля, которую из многодетной крестьянской семьи забрал мариенбургский пастор Глюк – в служанки. По третьей версии она была подброшена к дверям пасторского дома с запиской, в которой указывалось имя (Марта) и месяц рождения – апрель. Произошло это в 1689 году.

Во всем этом много путаницы: крестьянин – литовский,

пастор – латышский, вроде бы круглая сирота, а родня впоследствии объявилась достаточно многочисленная. Естественный ход событий, впрочем, показал, что у нее были две сестры – Анна и Христина, и два брата Карл и Фридрих, семьи которых Екатерина в 1726 году перевезла в Петербург (Карл Скавронский переехал ещё раньше). Но до того, как русский царь Пётр решил прорубить окно в Европу через шведские владения, родословная служанки в пасторском доме абсолютно никого не волновала. Естественно.

Наверняка можно сказать лишь, что Марта родилась не в дворянской семье и была крещена по католическому обряду. К трем годам осталась круглой сиротой и нашла приют у своей тетки, некоей Веселовской, от которой 12 лет от роду поступила в услужение к мариенбургскому суперинтенданту Глюку и росла вместе с его детьми. Там Марта приняла лютеранство.

Протестантский богослов и ученый лингвист, Глюк воспитал Марту в правилах лютеранской веры, но грамоте так и не выучил. Марта до конца жизни оставалась неграмотной и не слишком отесанной. Она вообще исполняла довольно жалкую роль девочки при кухне и прачечной. Но Марта, обладавшая невероятно легким и веселым нравом, не только не роптала, но старалась быть полезной, помогала в хозяйстве и смотрела за детьми. Вероятно также, что пансионеры пастора пользовались ее благосклонностью. От одного из них, литовского дворянина Тизенгаузена, Марта даже ро-

дила дочь, прожившую всего несколько месяцев.

Это досадное обстоятельство побудило пастора Глюка выдать Марту замуж – и как можно скорее, пока ее репутация не оказалась окончательно испорченной. Незадолго до осады Мариенбурга нашелся жених – шведский драгун Иоганн Крузе (по другой версии — Иоганн Раабе). Точных сведений о том, состоялась свадьба или нет, не сохранилось, да и муж (или жених?) исчез после взятия города русскими в 1702 году. Это случилось или до или сразу после брака.

«На семнадцатом году жизни, – писал в 1904 году С. Либрович в историческом очерке «Петр Великий и женщины», – Марта обручилась со шведским драгуном Иоганном Раабе, которого накануне свадьбы (а по другим сведениям – на другой день после свадьбы) потребовали на войну. Молодая девушка осталась в Мариенбурге (ныне – латвийский город Алуксне) у пастора Глюка.

По взятии города русскими в августе 1702 года) Марта была приведена в русский лагерь пленницей в одной рубашке. Тут судьбою ее занялся сначала генерал Боур, сподвижник Петра, потом фельдмаршал Шереметев и, наконец, любимец государя Менишков, у которого царь и увидал девушку, поразившую его своею красотою, находчивостью и умом.

Знакомство Петра с пленною дочерью литовского крестьянина мало-помалу превратилось в чувство более глубокое и серьезное. Марта была взята ко двору знатных боярынь, или «фрейлин»...

Исполняя желание Петра, Марта, исповедывавшая до тех пор лютеранскую религию, приняла православие и получила имя Екатерины Алексеевны, потому что царевич Алексей был ее восприемником. После принятия православия возлюбленная царя жила с ним в Петербурге и в Преображенском под названием Екатерины Алексеевны Михайловой...»

Написано весьма сдержанно, но почти правдиво. На самом деле 25 августа 1702 года, во время Северной войны, русские войска фельдмаршала Б. П. Шереметева осадили крепость Мариенбург. Комендант, видя бессмысленность обороны, подписал договор о сдаче крепости: русские занимали укрепления, а жители могли свободно покинуть город и уйти в Ригу – столицу шведской Лифляндии.

Но в этот момент один из офицеров гарнизона... подорвал пороховой погреб. Увидев, что камни падают на головы его солдат, Шереметев порвал договор и город был отдан на разграбление. Солдаты хватили пленных, грабили имущество... Среди пленных оказалась и Марта Скавронская-Крузе-Раабе...

Если бы кто-нибудь помешал безумному поступку шведского офицера, крепость не была бы взорвана, жители покинули бы Мариенбург, среди них была бы и Марта... А как же пошла бы русская история? Вот еще одна случайность, из цепи которых, собственно, и состоит история человечества.

Но и после пленения судьба Марты темна и противо-

речива. Если верить самой распространенной версии, солдат, схвативший 18-летнюю Марту, продал ее некоему унтер-офицеру, а затем в обозе у русских солдат она была замечена командующим войсками Б. П. Шереметевым; унтер-офицеру пришлось «подарить» ее 50-летнему фельдмаршалу, сделавшему ее наложницей и прачкой. Если верить собственноручному письму фельдмаршала Шереметьева, он взял «...служанку пасторову девицу Марту от хозяина, которого самого со чады и домочадцы отправил в Москву...»

Шотландец Питер Генри Брюс в «Мемуарах» излагает историю (со слов других) в более благоприятном для Екатерины I свете. Пленную Марту забрал полковник драгунского полка Баур (позднее ставший генералом):

«...Баур немедленно приказал поместить её в свой дом, который препоручил её заботам, дав ей право распоряжаться всей прислугой, причем та вскоре же полюбила новую управительницу за ее манеру домохозяйства. Генерал позже часто говорил, что его дом никогда не был так ухожен, как в дни её пребывания там.

Князь Меншиков, который был его патроном, однажды увидел её у генерала, тоже отметив нечто необычайное в ее облике и манерах. Расспросив, кто она и умеет ли готовить, он услышал в ответ только что поведанную историю, к которой генерал присовокупил несколько слов о достойном её положении в его доме. Князь сказал, что именно в такой женщине он сильно сейчас нуждается, ибо самого

его теперь обслуживают очень плохо. На это генерал отвечал, что он слишком многим обязан князю, чтобы сразу же не исполнить то, о чем тот лишь подумал – и немедленно позвав Екатерину, сказал, что перед нею – князь Меншиков, которому нужна именно такая служанка, как она, и что князь сделает все посильное, дабы стать, как и он сам, ей другом, добавив, что слишком уважает ее, чтобы не дать ей возможности получить свою долю чести и хорошей судьбы...»

Действительно Светлейший князь, друг и соратник Петра Первого Александр Меншиков пленился мариенбургской полонянкой. Но забрал к себе *«девицу Марту от фельдмаршала Шереметьева, из-за чего меж ними большая ссора произошла...»* Так рассказывает француз Франц Вильбуа, находившийся на русской службе во флоте с 1698 года и **женатый на дочке пастора Глюка**.

Версия француза представляется более правдоподобной хотя бы потому, что он лучше знал Марту и был ближе к ней, чем шотландец Брюс.

Почему мужчин – самых разных! – как магнитом тянуло к этой незамысловатой девушке – непонятно. Она была хороша, миловидна, но далеко не сказочная красавица. Не блистала особым умом, не обладала хорошими манерами. Да, была мила, приветлива, постоянно весела. Но мало ли таких простушек-веселушек на свете? И тем не менее...

И тем не менее, давно пресытившийся женщинами и ме-

нявший их чуть ли не еженедельно Александр Данилович Меньшиков задумывался о... браке с лифляндской прачкой. Если его что-то и останавливало, то только здравая мысль о том, что подобный брак разом уронит его в глазах столбовых дворян, не говоря уже о Рюриковичах и Гедеминовичах, которые и без того еле терпели «бывшего пирожника».

Пока Марта числилась одной из его служанок – но на привилегированном положении, то есть черной работой не занималась и прислуживала своему новому повелителю за столом и в постели. Хотя не исключено, что в конечном итоге Светлейший наплевал бы и на общественное мнение – уж слишком сладкой была темноглазая, кудрявая Марта. Но Судьба распорядилась по-своему. Тот же Франц Вильбуа сообщает:

«...когда царь, проезжая на почтовых из Петербурга, который назывался тогда Ниеншанцем, или Нотебургом, в Ливонию, чтобы ехать дальше, остановился у своего фаворита Меньшикова, где и заметил Екатерину в числе слуг, которые прислуживали за столом. Он спросил, откуда она и как тот ее приобрел. И, поговорив тихо на ухо с этим фаворитом, который ответил ему лишь кивком головы, он долго смотрел на Екатерину и, поддразнивая ее, сказал, что она умная, а закончил свою шутливую речь тем, что велел ей, когда она пойдет спать, отнести свечу в его комнату. Это был приказ, сказанный в шутливом тоне, но не терпящий никаких возражений. Меньшиков принял это как должное, и красавица, преданная своему хозяину, провела ночь

в комнате царя... На следующий день царь уезжал утром, чтобы продолжить свой путь. Он возвратил своему фавориту то, что тот ему одолжил. Об удовлетворении царя, которое он получил от своей ночной беседы с Екатериной, нельзя судить по той щедрости, которую он проявил. Она ограничилась лишь одним дукатом, что равно по стоимости половине одного лудора (10 франков), который он су-нул по-военному ей в руку при расставании».

Ничего сказочного, ничего романтического. Пётр обошелся с будущей императрицей как с обыкновенной шлюхой, и заплатил ей соответственно. Правда, очень быстро после этого царского визита Александр Меншиков женился на... Дарье Арсеньевой, представительнице одного из старобоярских родов. Кажется, сватом был по обыкновению сам император, иначе вряд ли бы отдали боярышню в жены Светлейшему. А Марта... осталась в доме на прежнем положении служанки, точнее, «барской барыни». Продолжала ли она оставаться любовницей Меншикова – неизвестно, зато хорошо известно, что Пётр зачастил в гости к своему теперь уже женатому фавориту.

Народ и солдаты выражали недовольство связью царя с безвестной красавицей. «Неудобь сказываемые» толки катились по Москве. «Она с князем Меншиковым его величество кореньем обвела», – говорили старые солдаты, повидавшие на своем веку немало красивых полонянок, но впервые наблюдавшие, как безвестная прачка становится неразлуч-

ной с самим царем. Марта за два первые года связи родила двух сыновей – Петра и Павла, которые, впрочем, недолго прожили на этом свете. Но зато сильно повлияли на положение своей матери.

В 1705 году, Петр перевез Марту в подмосковное село Преображенское, где проживала в то время его любимая сестра царевна Наталья, и поручил свою пассию заботам богобоязненной, целомудренной и мудрой сестры. Очень скоро Марта приняла православие и получила имя Екатерины Алексеевны, ибо крестным отцом ее был... цесаревич Алексей, наследник престола. Крестной матерью, естественно, стала покровительница-царевна. Фамилию Василевская придумал сам Пётр, какими соображениями он при этом руководствовался – неизвестно.

Так началось стремительное восхождение на российский Олимп бывшей мариенбургской пленницы.

28 декабря 1706 года новая связь государя закрепилась рождением дочери Екатерины, увы, тоже скончавшейся в младенчестве. Зато Анна, появившаяся на свет в 1708 году и Елизавета, родившаяся через год, оказались здоровыми и крепкими. Чем старше становились дочери, тем прочнее делалась связь их родителей. Пока все еще абсолютно незаконная.

Но Марта появилась в жизни Петра очень вовремя: царь перешел на вторую половину жизни и уже тяготел к тихой пристани. Ею и стала Екатерина – добрая, покорная, беско-

рыстная, исправно приносящая по ребенку в год и не обременявшая своего любовника капризами. Она незаметно становилась незаменимой для государя. Петр стал тосковать без нее – это видно уже в его письмах 1708 года.

Сохранилось 170 писем Петра к Екатерине. Они дают возможность проследить, как постепенно Екатерина Алексеевна завоевывала сердце царя, как общение с нею становилось для Петра насущной необходимостью, как менялась тональность писем и как на смену фамильярно-грубому: «Матка, здравствуй» приходило ласковое: «Катеринушка, друг мой, здравствуй» и еще более нежное: «Катеринушка, друг мой сердешенкой, здравствуй».

Содержание «цидулок» тоже свидетельствует о растущем влиянии Екатерины на царя. Первые «цидулки» однообразны по содержанию: в них отчетливо прослеживается не терпящее отлагательства страстное желание Петра встретиться с возлюбленной. Петр четко указывает место встречи, а иногда и маршрут, которого для безопасности должна придерживаться путешественница. Его повеления схожи с приказами офицера солдату. Вот образцы эпистолярного наследия Петра этих лет:

Из Жолквы 6 февраля 1707 года: *«Как к вам сей доноситель приедет, поезжайте сюды, не мешкав».*

20 марта 1708 года: *«Для Бога приезжайте скорее».*

7 февраля 1709 года из Ахтырок: *«По получении сего письма поезжайте немедленно в Белгород».*

В последующих письмах Петр уже делится с возлюбленной своими планами, сообщает о сражениях и одержанных победах, проявлял заботу о детях, посылал подарки, призывал к осторожности во время поездок, объяснял, почему задержался с ответом.

Последнее вообще удивительно и совершенно ново для Петра: в молодости он, уехав на полтора года за границу, не послал своей тогдашней возлюбленной (фактически, официальной любовнице) Анне Монс **ни одного письма**. А тут... нет, не роман в письмах, а настоящие письма другу-единомышленнику. В письмах Петра нет обычного сетования на тяжесть разлуки, на тоску о возлюбленной, зато они написаны явно о души и отнюдь не казенным слогом.

Так, описывая бегство польского короля Станислава Лещинского после разгрома шведов под Полтавой (Лещинский был посажен на польский трон Карлом XII), Петр воспользовался запоминающимся образом: «...*Станислав Лещинский ...бороду отпустил для того, что корона его умерла*».

Здесь уместно отметить, что Екатерина Алексеевна до конца своих дней оставалась неграмотной. Поэтому из содержания ее писем невозможно вычленить ее собственные слова, мысли и чувства, растворяющиеся в казенных фразах тех грамотеев, которые от ее имени сочиняли царю письма. Эти «цидулки» просто несопоставимы с письмами к супруге самого Петра, которые поражают непосредственностью, оригинальностью и страстностью – как будто их автор не умуд-

ренный опытом мужчина, а юноша, только что безумно влюбившийся в приглянувшуюся ему девушку.

Письма царя передают всю гамму охватывавших его чувств: внимательность, предупредительность, заботливость. Чувства эти выражались не столько в не отличавшихся щедростью подарках, сколько в трогательной заботе о безопасности Екатерины, о максимуме удобств, которые его стараниями предоставлялись ей во время поездок, в нетерпеливом ожидании свиданий.

Постепенно отношения Петра и Екатерины становились все более близкими. Умевшая легко применяться ко всяким обстоятельствам, Екатерина приобрела громадное влияние на Петра, изучив его характер и привычки и став для него необходимой как в радости, так и в горе. И... в личных делах.

Царь по-прежнему не пропускал ни одной юбки, и завел привычку обсуждать своих любовниц с «маткой Катериной». Она его не упрекала, наоборот, охотно выслушивала подробности и давала советы. Идиллия? Да, но это впоследствии оказало плохую услугу самой Екатерине, когда она, став императрицей, решила, что ей тоже позволены шалости на стороне... Но об этом позже.

Екатерина мирилась с ужасными и внезапными вспышками гнева Петра, умела помогать во время приступов эпилепсии, делила с ним трудности походной жизни, став фактически женой, а не только любовницей. Известно, что порой у царя начинались страшные судороги и тогда все бежа-

ли за Екатериной. Ее голос завораживал царя. Он ложился к ней на колени, она что-то тихо говорила ему, Петр засыпал и через 3—4 часа был совершенно здоров, весел и спокоен.

Он любил ее сначала как простую фаворитку, но потом он полюбил ее как женщину, тонко освоившуюся с его характером. Она одна владела искусством успокаивать своего вспыльчивого супруга. Но непосредственного участия в решении политических вопросов она принимать никогда не пыталась, хотя с 1709 года уже не покидала царя, сопровождая его во всех походах и поездках.

Первая официальная поездка Екатерины с Петром в действующую армию началась, если верить мемуарам датского посланника Юста Юля следующим образом (записано им со слов царевен, племянниц Петра):

«Вечером незадолго перед своим отъездом царь позвал их, сестру свою Наталью Алексеевну в один дом в Преображенскую слободу. Там он взял за руку и поставил перед ними свою любовницу Екатерину Алексеевну. На будущее, сказал царь, они должны считать её законною его женой и русскою царицей. Так как сейчас ввиду безотлагательной необходимости ехать в армию он обвенчаться с нею не может, то увозит её с собою, чтобы совершить это при случае в более свободное время. При этом царь дал понять, что если он умрет прежде, чем успеет жениться, то все же после его смерти они должны будут смотреть на неё как на законную его супругу. После этого все они поздравили (Екатерины

Алексеевну) и поцеловали у нее руку».

В этом же Прутском походе, когда русские войска были окружены, Екатерина спасла мужа и армию, отдав турецкому визирю свои драгоценности и склонив его к подписанию перемирия. Об этом ее поступке Петр никогда не забывал, хотя сама Екатерина не видела в этом ничего особенного: драгоценности она любила, но никогда их не просила и легко ними расставалась. Она вообще все воспринимала легко, с улыбкой. Может быть, в этом и заключалась «тайна Екатерины». Ее характер являл собой смесь нежной, томной женственности и мужской резкости и отваги – достаточно редкое сочетание, оцененное Петром по достоинству.

Но... не сразу. Даже звание фрейлины царевны Натальи Екатерина получила лишь в 1710 году, когда уже родила Петру пятерых детей. Зато близкие к государю люди подмечали: Петр, вообще не терпевший женщин, вмешивающихся в «мужские» дела, напротив, бывал доволен, когда в «государственный» разговор вступала Екатерина. Как свидетельствовали приближенные царя, простая и разумная логика собеседницы не раз выводила их из лабиринтов придворной софистики, бросала новый свет на многие вопросы.

Восхищала его и физическая выносливость Екатерины. Рассказывали, что как-то Петр, подняв свой увесистый маршальский жезл, обратился к присутствующим:

– Кто из вас на вытянутой руке удержит?

Никто из мужчин не смог. Тогда протянул он жезл Ека-

терине. Та взяла его через стол и несколько раз подняла, что вызвало восторг Петра и огромное изумление окружающих...

В тесном кружке приближенных ее уже называли не иначе как «государыня». Но только в 1711 году, когда Петр решил женить своего сына Алексея, он озаботился заодно узаконить и свои фактически супружеские отношения с Екатериной. 19 февраля 1712 года в Петербурге была сыграна скромная свадьба адмирала Петра Михайлова (морской псевдоним царя). При этом все знали, что это была не шутовская свадьба – Екатерина стала настоящей царицей.

Тогда же были узаконены их дочери – Анна (впоследствии супруга герцога Голштинского) и Елизавета (будущая императрица Елизавета Петровна). Обе их дочери, тогда бывшие в возрасте 3 и 5 лет, исполняли на свадьбе обязанности фрейлин и получили официальный статус цесаревен. Бракосочетание было почти тайным, совершено в маленькой часовне, принадлежавшей князю Меншикову.

В 1713 году Петр I в честь достойного поведения своей супруги во время Прутского похода учредил орден Святой Екатерины. Первоначально он назывался орденом Освобождения и предназначался только Екатерине: Петр лично возложил его знаки на жену.

О заслугах Екатерины во время Прутского похода вспомнил Пётр I и позже в своем манифесте от 15 ноября 1723 года:

«Наша любезнейшая супруга государыня императрица Екатерина великою помощницею была, и не точию в сем, но и во многих воинских действиях, отложса немочь женскую, волею с нами присутствовала и елико возможно вспомога- ла, а наипаче в Прутской кампании с турки, почитай отча- янном времени, как мужески, а не женски поступала, о том ведомо всей нашей армии...»

Волшебное превращение не изменило характера лиф- ландской Золушки – она оставалась такой же милой, скром- ной, неприхотливой боевой подругой царя.

Она старалась сдерживать всякого рода излишества, ко- торым предавался Петр: ночные оргии и пьянство. Вместе с тем Екатерина не предъявляла никаких претензий на вме- шательство в дела государственные, не затевала никаких ин- триг. Единственная роль, которую она взяла на себя в по- следние годы, – это заступаться за тех, на кого грозный и ско- рый на расправу царь обрушивал свой гнев.

Постепенно Екатерина образовала при себе двор. Своим девочкам она – неграмотная! – дала прекрасное европейское образование, мечтая для них о самых блестящих партиях. Любимой мечтой ее и Петра был брак младшей дочери – Елизаветы – с французским королем Людовиком Пятнадца- тым.

И ведь все могло сложиться, проживи Петр чуть долъ- ше! Свидетельством тому – стоящий в Петергофе памят- ник «Петр I с малолетним Людовиком XV на руках». Посе-

тив Францию в 1717 году, Петр поднял на руки малолетнего французского короля и произнес: «В моих руках – вся Франция».

Конкретным результатом этого визита было заключение Амстердамского соглашения между Россией, Францией и Пруссией. Франция гарантировала свое посредничество – и только. Но мечта о браке «Лизоньки» с французским королем прочно поселилась в голове не только Петра, но и Екатерины. Более того, Елизавету начали целенаправленно готовить на роль французской королевы: девочка прекрасно танцевала, свободно изъяснялась на нескольких языках и обладала изысканными манерами. Все это в сочетании с природной красотой давало возможность мечтать о прекрасном брачном союзе.

Примерно с 1713 года Екатерина не только обзавелась двором, но и принимала иностранных послов, встречалась с европейскими монархами. В ее описаниях, оставленных иностранцами, говорилось, что она «не умеет одеваться», ее «низкое происхождение бросается в глаза, а ее придворные дамы смешны». Может быть, и так, но у кого ей было учиться дворцовому этикету? У супруга-императора, для которого эталоном поведения был голландский матрос? Смешно...

Но главное было в другом: неуклюжая, несветская, нерафинированная жена царя-реформатора по силе воли и выносливости не уступала мужу: с 1704 до 1723 года она родила ему 11 детей, большинство которых умерло в младенчестве,

но частые беременности проходили для нее почти незаметно и не мешали сопровождать мужа в его странствиях. Она была настоящей «походной офицерской женой», способной спать на жесткой постели, жить в палатке и делать верхом на лошади долгие переходы.

Во время персидского похода 1722—1723 годов она обрила себе голову и носила гренадерскую фуражку. Вместе с мужем делала смотр войскам, проезжала по рядам перед сражением, ободряя словами солдат и раздавая им по стакану водки. Пули, свистевшие над ее головой, почти не смущали ее.

23 декабря 1721 года Сенат и Синод признали ее императрицей. Для ее коронации 7 мая 1724 года была изготовлена корона, превосходившая великолепием корону царя, Петр сам возложил ее на голову жены, вчерашней прибалтийской прачки. Коронование происходило в Москве в Успенском соборе Кремля. Несколько дней после этого поили и угощали народ, а затем долго еще при дворе шли праздники, маскарады, застолья. До сих пор ни одна из русских цариц, кроме Марины Мнишек, не удостоивалась такой чести.

Иностранцы, с пристальным вниманием следившие за русским двором, отмечают привязанность царя к супруге. Посол герцога Голштинского в России Гернинг-Фридрих Бассевич, писал про их отношения:

«Он любил видеть ее всюду. Не было военного смотра, спуска корабля, церемонии или праздника, при которых бы она не являлась... Екатерина, уверенная в сердце своего су-

пруга, смеялась над его частыми любовными приключениями, как Ливия над интрижками Августа; но зато и он, рассказывая ей об них, всегда оканчивал словами: ничто не может сравниться с тобою».

В 1715 году Екатерина родила сына, крещенного Петром, который сразу стал любимцем отца-императора. Существование старшего сына – законного наследника – и даже внука – законного продолжателя династии царской крови – «царя-реформатора» волновало чрезвычайно мало. Что всегда интриговало историков: непонятное равнодушие к собственной, можно сказать, плоти и крови, хотя сам выбирал сыну супругу из австрийского императорского дома, дабы усилить позиции России.

Кстати, внук – тоже Пётр, только Алексеевич, родился почти одновременно с сыном Петром-«шишечкой». С рождения Пётр Алексеевич именовался *великим князем* (это был первый случай титулования члена царской фамилии не царевичем). А вот Пётр Петрович Манифестом 14 февраля 1718 года был провозглашён наследником престола и получил титул «Наследственный благороднейший государь-царевич». Ему (после того как старший сын Алексей подписал официальное отречение от прав на престол) была принесена особая присяга. Присягу брату принёс в том числе и находившийся под судом Алексей, но это не спасло его от гибели в том же году.

Пётр возлагал большие надежды на Петра Петровича как

продолжателя своего дела, однако новый официальный наследник престола, до трех лет не ходил и не говорил, а в четырехлетнем возрасте скончался. Таким образом, статус великого князя Петра Алексеевича оставался неопределённым; по праву первородства он был наследником деда, однако было неясно, распространялось ли отстранение Алексея от престола также и на него.

Конец прежним сомнениям (и начало новой смуте) положил сам император своим Указом от 5 февраля 1722 года. Пётр отменил прежний порядок наследования престола прямым потомком по мужской линии, заменив его личным назначением царствующего государя. Стать преемником мог любой человек, достойный, по мнению государя, возглавить государство.

Текст Указа гласил:

«... чего для благоразсудили сей уставъ учинить, дабы сіе было всегда въ волю правительствующаго государя, кому оный хочетъ, тому и опредѣлить наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнитъ, дабы дѣти и потомки не впали въ такую злость, какъ выше писано, имѣя сію узду на себѣ».

Указ был настолько необычен для русского общества, что пришлось его разъяснять и требовать согласия от подданных под присягой. Многие возмущались:

«Взял за себя шведку, и та царица живых детей не родит, и он сделал указ, чтоб за предбудущаго государя крест цело-

вать, и крест целуют за шведа. Одноконечно станет царствовать швед».

Они ошибались: Пётр теперь хотел передать бразды правления своей старшей дочери Анне, предварительно выдав ее замуж за человека королевских кровей, но не слишком могущественного, дабы было, как в Англии: королева с принцем-консортом. Потому и подобрал ей в женихи герцога Голштинского, хотя по-прежнему мечтал о браке Елизаветы с французским королем. Если вдуматься, Пётр затевал масштабную перестановку политических сил на карте Европы: неперенный союз России и Франции (две сестры на двух тронах) разом выдвигал Россию в первые ряды. А то, что он при этом забыл о родных внуках... монархи тоже люди и ничто человеческое им не чуждо.

В 1724 году, через несколько месяцев после коронации разразилось весьма неприятное событие, которое чуть было не лишило новоявленную императрицу монаршего венца, возложенного на нее самим Петром. Из тайной превратилась в явную ее многолетняя связь с Виллимом Монсом, ее камергером, одним из трех братьев немки Анны Монс, от которой в свое время был без ума молодой царь.

С 1716 года Виллим Монс, человек ловкий, веселый и услужливый и – главное! – необыкновенно красивый – постепенно становился все ближе императрице. Его сестра Модеста Балк сделалась ближайшей наперсницей государыни. Успех молодого Монса ни для кого в Петербурге не был сек-

ретом. Его дружбы и покровительства искали высокопоставленные лица, министры, посланники и епископы. А Екатерина... Екатерина простодушно считала, что коли супруг постоянно заводит новые романы, то и ей не грех разочек встряхнуться. Дело житейское.

Один Петр ничего не подозревал о романе своей жены, быть может, потому, что даже вообразить не мог (как и большинство самоуверенных мужчин, кстати) измены с ее стороны. Он узнал о сопернике почти случайно из анонимного доноса, который не касался даже напрямую Монса. Но, взявшись за розыск, Петр очень скоро узнал всю подноготную дела. Когда Монса арестовали, петербургское общество было словно поражено громом; многие теперь ожидали неминуемой кары.

Но опасения были напрасны, взбешенный император ограничился Монсом, причем официально красавца-камергера обвинили во... взяточничестве. Вот уж действительно тяжкое преступление на Руси в любые времена!

16 ноября 1724 года, на Троицкой площади, в 10 часов утра, Виллиму Монсу отрубили голову. Вечером в день казни ее фаворита, Петр прокатил Екатерину в коляске мимо того столба, на который была посажена голова Монса. Государыня, опустив глаза, произнесла:

– Как грустно, что у придворных столько испорченностей.

Ни настроения, ни аппетита этот инцидент императрице не испортил: одним красавчиком больше, одним меньше...

У нее по-прежнему был легкий характер. Зато у Петра, помимо тяжелого характера, были свои, особые представления о воспитательных мерах: отрубленную голову Монса он приказал поместить в банку со спиртом и поставить в спальне императрицы. Это оказалось чересчур даже для нее.

«Так продолжалось несколько дней, – писал историк В. Балязин, – пока Екатерина, заплавав, не упала перед мужем на колени, во всем виняась и прося прощения. Утверждают, что она простояла на коленях три часа и сумела вымолить у него отпущение грехов. И только после этого голова Монса была отправлена в Кунсткамеру, где оказалась рядом с головой Марии Гамильтон, бывшей царской фаворитки, казненной пятью годами раньше...»

Измена «друга сердешнинького» болезненно ударила по Петру – у царя не было больше надежды на будущее: он не знал, кому теперь передать свое великое ДЕЛО, чтобы оно не стало достоянием любого прыгнувшего в постель Екатерины проходимца. Хотя дочь Анна уже была выдана замуж за герцога Голштинского, великолепный план Петра был весьма далек от завершения.

К тому же Петр вскоре заболел. В январе 1725 года сильный, но вконец измученный излишествами организм Петра не выдержал... Екатерина не отходила от него ни на минуту и, по замечанию очевидцев, «продолжала без пользы обнимать своего умирающего супруга» (впрочем, есть и другая версия, что Петр так и не допустил ее к себе перед смертью).

Она сама закрыла ему глаза и вышла из маленькой комнатки в соседний зал, где ее ждали, чтобы провозгласить преемницей Петра Алексеевича.

Между тем положение ее было весьма неопределенно, так как никаких законных прав на русский престол она не имела. К счастью для Екатерины, судьба всей новой аристократии – «птенцов гнезда Петрова» – была также в опасности. Если бы верх взяли противники преобразований, выступавших за малолетнего Петра, сына казненного царевича Алексея, то «птенцы» должны были потерять все. Таким образом, самые влиятельные люди из окружения Петра вынуждены были помогать Екатерине. О том, что Пётр желал видеть на престоле Анну, никто и не вспомнил.

Точнее, об этом прекрасно помнил Александр Меншиков, но ему меньше всего хотелось видеть императрицей умную и волевою женщину, какой, несомненно, была старшая дочь Петра. К тому же она уже была замужем, да еще за иноземным герцогом, а светлейший уже вынашивал планы породниться с царской семьей. Екатериной же он мог вертеть, как куклой, и прекрасно это знал.

В 8 часов утра 28 января 1725 года для решения вопроса о престолонаследии собрались сенаторы, члены Синода и так называемый генералитет – чиновники, принадлежащие к четырем первым классам табели о рангах. Но вскоре неизвестно каким образом в зале, где шло совещание, оказались гвардейские офицеры, ультимативно потребовавшие воцарения

Екатерины, а на площади перед дворцом были выстроены под ружье два гвардейских полка, выражавшие поддержку императрице барабанным боем. Это заставило прекратить спор. Екатерину признали императрицей. Наследником престола был объявлен внук Петра I по первому браку, сын царевича Алексея, великий князь Петр Алексеевич.

Так усилиями А. Д. Меншикова, И. И. Бутурлина, П. И. Ягужинского и при опоре на гвардию, в силу актов 1722 и 1724 годов на русский престол под именем Екатерины I впервые села женщина, да еще неведомо откуда взявшаяся иноземка простого происхождения, ставшая женой царя на весьма сомнительных законных основаниях.

Так началась эпоха дворцовых переворотов в России.

По уговору с Меншиковым, государственными делами Екатерина не занималась, да и не было у нее нужных способностей и знаний. Управление страной она передала Верховному тайному совету (1726—1730) из шести персон, руководителем которого стал А. Д. Меншиков. Новая императрица, даже указы не подписывала: за нее расписывалась младшая дочь Елизавета.

Деятельность екатерининского правительства ограничивалась мелочами. Состояние государственных дел было плачевным, всюду процветали казнокрадство, произвол и злоупотребления. В последний год жизни она истратила на свои прихоти более шести миллионов рублей, между тем как в государственной казне денег не было. Ни о каких реформах

и преобразованиях речи не шло.

Екатерину интересовали только забавы и развлечения, благо она теперь была совершенно свободна. Пила, танцевала, меняла любовников... По свидетельству саксонца Фрексдорфа, утро императрицы начиналось с визита Меншикова. Разговору неизменно предшествовал вопрос:

– Что бы нам выпить?

Сразу опорожнялось несколько стаканчиков водки. Затем она выходила в приемную, где постоянно толпились солдаты, матросы и ремесленники, всем им она раздавала милостыню, а если кто просил царицу быть крестной матерью его ребенка, она никогда не отказывалась и обыкновенно дарила каждому своему крестнику несколько червонцев.

День заканчивался вечеринкой в кругу постоянной компании, а ночь царица проводила с одним из своих любовников. Один из дипломатов при дворе писал:

«Нет возможности определить поведение этого двора. День превращается в ночь, все стоит, ничего не делается... Всюду интриги, искомство, распад...»

За два года правления Екатерины I Россия не вела больших войн, только на Кавказе действовал отдельный корпус под началом князя Долгорукова, стараясь отбить персидские территории, пока Персия находилась в состоянии смуты, а Турция неудачно воевала с персидскими мятежниками. В Европе дело ограничивалось дипломатической активностью в отстаивании интересов голштинского герцога, су-

пруга Анны Петровны, против Дании.

Правда, в годы правления Екатерины I была открыта Академия Наук, организована экспедиция В. Беринга и, учреждён орден Святого Александра Невского. Только... вряд ли сама императрица об этом знала. Зато она очень деятельно устраивала жизнь своих родственников. Она присвоила братьям Карлу и Фридриху в январе 1727 года графское достоинство, но назвала их неопределенно «ближними сродственниками ея собственной фамилии». Возвеличить сестер – Анну и Христину – она не успела, это сделала позже для их детей Елизавета Петровна. В графское достоинство были возведены дети Кристины – Гендриковы и дети Анны – Ефимовские.

В своей книге «История России» С.И.Соловьев писал:

«При Петре она светила не собственным светом, но заимствованным от великого человека, которого она была спутницею; у нее доставало умения держать себя на известной высоте, обнаруживать внимание и сочувствие к происходившему около нее движению; она была посвящена во все тайны, тайны личных отношений окружающих людей. Ее положение, страх за будущее держали ее умственные и нравственные силы в постоянном и сильном напряжении. Но вьющееся растение достигало высоты благодаря только тому великану лесов, около которого обвивалось; великан сражен – и слабое растение разостлалось по земле. Екатерина сохранила знание лиц и отношений между ними,

сохранила привычку пробираться между этими отношениями; но у нее не было ни должного внимания к делам, особенно внутренним, и их подробностям, ни способности почина и направления».

В торжественные дни Екатерина, правда, являлась во всем блеске и красоте, в золотом экипаже. Могущество, слава, восторг верноподданных – о чем еще она могла мечтать? Но... бодрая, пышущая здоровьем, она пережила мужа всего на два года. Много тайн унесла с собой в мир иной умершая в сорок три года крестьянка-императрица... Загадочна сама ее ранняя смерть, которую некоторые исследователи считают неестественной.

В императорском дворце как всегда бурно справляли Рождество, Екатерина, все еще необычайно красивая, неожиданно погрустнела и, против обыкновения, пожелала отправиться в свои апартаменты немедленно. Как обычно, сопровождал ее Генералиссимус, Светлейший Князь Меншиков. И – тоже как обычно оставшись наедине с императрицей, – спросил, обращаясь к ней по имени, данному до крещения в православие:

– Что с тобою, Марта, дитя?

– Ничего, солдат... – она усмехнулась собственной шутке, не слишком удачной. – Ах, Алексашенька, что-то смутно мне, дурно...

На протяжении последующих шестнадцати месяцев Екатерина угасала от чахотки, невесть откуда взявшейся. Прав-

да, еще успела обручить старшую дочь Меншикова Марию с назначенным ею же наследником Российского престола юным Петром. Самому же Меншикову она оставила «в дар» убившую ее болезнь: Светлейший тоже заболел чахоткой.

Ходили слухи, что императрицу опоили медленным ядом. Называли и виновницу: сестру супруги Меншикова. Но зачем ей было покушаться на жизнь императрицы, которая осыпала ее семью всевозможными милостями?

Лейб-медик Блюментрост писал о болезни императрицы: *«Ея Императорское Величество 10 числа апреля впала в горячку, потом кашель, который она и прежде сего имела, токмо не весьма великой, стал умножаться, також де и фебра (лихорадка) приключилась и в большее бессильство приходить стала, и признак объявила, что несколько повреждения в легком быть надлежало, и мнение дало, что в легком имеет быть фомика (нарыв), которая за четыре дня до Ее Величества смерти явно оказалась, понеже, по великом кашле, прямой гной, в великом множестве, почала Ее Величество выплевывать, что до Ее Величества кончины не преставала, и от тоя фомики, 6 дня мая, с великим покоем преставилась».*

Хоронили Екатерину в Петропавловском соборе. В недостроенном еще соборе, плотно закупоренный гроб с телом императрицы поставили на катафалке под балдахином, обитом золотой тканью, рядом с гробами Петра I и его дочери Натальи Петровны, скончавшихся еще в 1825 году.

Все три гроба были преданы земле одновременно – в 11 часов утра 29 мая 1731 года. В это время Россией уже правила племянница Петра Великого – Анна Иоанновна, Елизавета тихой мышкой сидела по возможности подальше от двора, а ее старшая сестра, герцогиня Голштинская, скончалась вскоре после родов.

Из грандиозных планов, обсуждаемых Петром и Екатериной, не осуществилось НИЧЕГО.

Анна Первая

Она могла стать не только матерью российского императора Петра Третьего, но и регентшей при нем до его совершеннолетия, а еще – шведской королевой. Наделенная красотой, умом, политическими амбициями, высоким происхождением, она, безусловно, была бы куда уместнее на российском престоле, чем ее младшая сестра Елизавета. И уж точно – лучше десять лет занимавшей этот трон кузины – Анны Иоанновны. Но судьба распорядилась иначе: старшая дочь Петра Великого скончалась от родильной горячки, едва достигнув двадцатилетнего возраста. И про нее почти тут же забыли.

А это, как минимум, несправедливо.

Старшая (а точнее – третья) дочь Петра Великого и Екатерины, Анна родилась в Москве 27 января 1708 года. Тогда ее мать была ещё просто «царевой полюбовницей», весьма смутного происхождения.

Анне исполнилось четыре года, когда в скромнейшей Исакиевской церкви Петербурга состоялся наискромнейший обряд венчания. Два десятка моряков и их принарядившиеся жены теснились в деревянном храме. Со стороны казалось, что это обычная свадьба жителя Адмиралтейской слободы – шкипера или артиллериста. К тому же возле невесты

стояли две крошечные девочки-погодки, которых, как тогда говорили, «привенчивали» к родителям. Тоже обычное дело для простонародья.

На самом деле венчался русский царь Петр Алексеевич и его давняя боевая подруга Екатерина. Понять это можно было только по тому, что гости дружной гурьбой отправились не в ближайшую аустерию, сиречь – кабак, а в царский дворец. Свадьба удалась – гостей не спаивали, как обычно это делал Петр, и в начале вечера уставших от церемонии девочек – Анну и Елизавету – няньки унесли спать во внутренние покои.

Таким было первое появление в свете петровских дочерей. Мстительная народная (точнее – высокородная) память этой истории не забыла, и не раз императрицу Елизавету впоследствии называли «выблядком», родившейся до брака, «в блудстве». Но ей, как и ее великому отцу, было на это, похоже, наплевать: сама она вела жизнь весьма далекую от благочестивой. В отличие, кстати, от родной старшей сестры.

Действительной любимицы Петра, между прочим.

Воспитание сестры получали одинаковое – и удивительно прогрессивное по тем временам. Вместо обычных при русском дворе мамок-нянек, их наставницами были иностранки – итальянская графиня Марианна Маньяни и французская виконтесса Датур-Дануа. Немецкому же языку, столь любезному обоим их родителям, принцесс обучал «мастер немецкого языка» Глик. Так что в весьма еще нежном воз-

расте и Анна, и Елизавета, свободно говорили на четырех языках, считая природный русский.

Елизавета писать и читать откровенно не любила, заманить ее в «классы» можно было только посулив обновку или лакомство. Анна же, наоборот, очень рано освоила основы правописания: уже в шестилетнем возрасте делала приписочки в посланиях к отцу. Любила книги, предпочитая их урокам танцев и хороших манер, что, впрочем, не помешало ей в совершенстве овладеть и тем, и другим.

В письме, отправленном в июле 1714 года из Ревеля, Екатерина писала Петру:

«На сих днях получила я письма, к вашей милости писанные из Санкт-Петербурга от детей наших, в котором письме Аннушка приписала имя свое своею ручкою».

Восьми лет Анна уже сама писала письма матери и отцу и подписывала их «Принцесса Анна», что вызывало бурный восторг царя. В архивах Петра I по сей день хранится несколько поздравительных писем Анны, написанных по-немецки.

Она, именно она была его подлинной любимицей, и единственное, о чем Пётр сожалел – это то, что Анна родилась девочкой.

«Будь она царевичем – не стал бы я более беспокоиться о будущем вверенной мне Богом державы», – писал он одному из своих друзей-сподвижников.

Кроме языков, царевны обучались танцам у танцмейсте-

ра Стефана Рамбурга. В этой науке они весьма преуспели и танцевали превосходно. С большим изяществом и грацией порхали они по дворцовым залам. Чем вводили в немалый соблазн придворных, не привыкших еще к подобному воспитанию девок – царских дочерей.

Иностранцы, бывавшие при дворе в начале 1720-х годов, поражались необыкновенной красоте подросших царевен. Темноглазая Анна отличалась от блондинки Елизаветы не только внешностью, но и нравом: была спокойнее, рассудительнее, умнее сестры, ее скромность и застенчивость всем бросалась в глаза. Впервые увидев ее, камер-юнкер Ф. Берхгольц записал:

«Брюнетка – и прекрасная, как ангел».

Она и характером обладала – ангельским. По свидетельству одного из современников, во время христосования на Пасху произошел забавный случай. Когда знатный иностранный гость захотел поцеловать четырнадцатилетнюю уже Анну, то она страшно смутилась, покраснела, тогда как младшая, Елизавета, *«тотчас же подставила свой розовый ротик для поцелуя».*

В забавном этом случае характеры обеих принцесс видны, как на ладони. Хотя трудно предположить, в кого пошла характером Анна: ни батюшка ее, ни матушка особой скромностью и целомудрием никогда не блистали, скорее наоборот. Пётр утверждал, что старшая дочь вся удалась в свою тетушку – царевну Наталью Алексеевну, его любимую младшую

сестру. И старался обеспечить Анне то, чего не мог сделать для Натальи: выбрать ей достойного жениха и... кто знает?... все-таки сделать своей главной наследницей.

Современники были в восторге от Анны. Один из них писал:

«Это была прекрасная душа в прекрасном теле. Она, как по наружности, так и в обращении, была совершенным отца подобием, особенно в отношении характера и ума, усовершенствованным ее исполненным доброты сердцем».

Действительно, внешне Анна была похожа на отца, который в молодости был хорош собою. В записках одного из иностранцев читаем:

«Старшая же принцесса вылитый портрет царя-отца, слишком экономна для принцессы и хочет обо всем знать... Даже ростом, для женщины тогда довольно высоким, она на него походит...»

Сохранился и другой отзыв – голштинца графа Басевича, который писал в своих знаменитых «Записках»:

«Анна Петровна походила лицом и характером на своего августейшего родителя, но природа и воспитание все смягчило в ней. Рост ее, более пяти футов, не казался слишком высоким при необыкновенно развитых формах и при пропорциональности во всех частях тела, доходившей до совершенства. Ничто не могло быть величественнее ее осанки и физиономии, ничто правильнее очертаний ее лица, и при этом взгляд и улыбка ее были грациозны и нежны. Она име-

ла черные волосы и брови, цвет лица ослепительной белизны и румянец свежий и нежный, какого никогда не может достигнуть никакая искусственность; глаза ее неопределенного цвета и отличались необыкновенным блеском. Одним словом, самая строгая взыскательность ни в чем не могла бы открыть в ней какого либо недостатка. Ко всему этому присоединялись пронизательный ум, неподдельная простота и добродушие, щедрость, снисходительность, отличное образование и превосходное знание языков отечественного, французского, немецкого, итальянского и шведского. С детства отличалась она неустрашимостью, предвещающей в ней героиню, и находчивостью».

По всему Анна была завидной невестой на брачном рынке царственных особ. Елизавете Пётр сразу предназначил в женихи французского короля: сохранив о своей поездке во Францию самые приятные воспоминания, он понимал, что кокетливая и обворожительная Елизавета просто создана для Версаля. Но принимать какие-то решения относительно Анны не торопился. Хотя руки Анны Петровны добивались наследные принцы Испанский и Прусский, герцоги Шартрский и Голштинский.

Последний – Карл-Фридрих – был, между прочим, родным племянником шведского короля Карла XII и мог со всем основанием претендовать на шведский престол. Собственные же владения герцога стали добычей Дании, и пока он был вынужден искать приюта в России в надежде с ее

помощью получить, как минимум, обратно свой Шлезвиг. Но и стать королем Швеции тоже, разумеется, был не прочь.

В 1718 году скончался бездетный Карл XII, шведский престол должен был достаться сыну старшей сестры короля, герцогу голштинскому, но он был отвергнут шведами и корону, с ограничением власти, шведские государственные чины предложили Ульрике-Элеоноре, младшей сестре Карла XII.

Петр Великий полагал, что, имея в своих руках законного наследника шведского престола, он скорее добьется выгодного для России мира. Расчеты эти вполне оправдались; не сбылись только надежды герцога, хотя Петр I и дал повеление Брюсу и Остерману заключить мир со Швецией только при условии, чтобы шведы признали Карла-Фридриха наследником королевского престола и обещали восстановить его, при помощи России, во владении герцогством Шлезвиг.

Шведы не хотели и слышать об этом и только по усиленному настоянию Петра Великого предоставили герцогу титул королевского высочества. Даже страх перед русским оружием не смог заставить шведский парламент согласиться на неудобного им короля. Русскому императору оставалось лишь уповать на то, что «сила соломѹ ломит» и со временем все образуется по его высочайшему желанию.

В противоположность своей невесте, герцог Голштинский не отличался ни умом, ни красотой. Он был невысокого роста и не обладал внешней привлекательностью. К тому же голштинец был абсолютно равнодушен к чтению и к нау-

кам и досуг предпочитал проводить за столом с обильными возлияниями. Кроме того, Карл-Фридрих не чувствовал особенной любви к своей потенциальной невесте и даже не скрывал этого.

Хотя многие современники утверждают, что Анна *«чувствовала к герцогу искреннюю и нежную привязанность»*, это скорее была хорошая мина при плохой игре, в которой слишком многое было поставлено на кон, чтобы старшая дочь Петра могла дать волю своим истинным чувствам.

Впрочем, Пётр не спешил выпускать любимых дочерей из родительского дома, к тому же Елизавета была еще совсем юной, а без Анны... без Анны он плохо представлял себе жизнь вообще. Вот и тянулось сватовство герцога Голштинского, которому не отказывали окончательно, но и не давали согласия.

Судьбу Анны внезапно и фатально решила... супружеская измена ее матери, теперь уже официально коронованной императрицы Екатерины. Осенью 1724 года совершенно случайно выяснилось, что стареющая, но все еще жаждущая земных утех Екатерина сошлась со своим обер-камергером Вилимом Монсом. Гнев обманутого супруга был ужасен, Монсу после ужасных пыток отсекли голову и в сосуде со спиртом поставили в спальню императрицы – «назидания ради». Но...

Но Петра взбесила не столько физическая измена супруги (сам был не ангел), сколько будущее династии, судьба его

огромного наследства. Он порвал уже написанное завещание в пользу Екатерины и позвал к себе вице-канцлера Андрея Остермана...

Дальше события стали разворачиваться стремительно: русско-голландские брачные переговоры закончились в два дня, и 24 октября 1724 года молодых обручили. Судьба Анны была решена. Ее мнения, разумеется, никто не спрашивал, хотя... Кто знает, о чем тайно беседовали император и его старшая дочь в ту тревожную, последнюю в жизни Петра осень?

22 ноября 1724 года в Петербурге был подписан давно желанный для герцога брачный договор, по которому, между прочим, Анна и герцог отказались за себя и за своих потомков от всех прав и притязаний на корону Российской империи; но при этом Петр оставлял за собою право по своему усмотрению *«призвать к сукцессии короны и империи Всероссийской одного из рожденных от сего супружества принцев, в чем герцог обязывался исполнить волю императора без всяких кондиций»*.

По этому же договору Анна сохраняла веру своих предков и могла воспитывать в ее правилах дочерей, сыновья же должны были исповедовать лютеранство. Ясно было, что Пётр не оставил своего намерения тем или иным способом передать престол Анне – в обход родного внука, законного, с точки зрения знати, наследника. А супруг-герцог должен был стать в этом надежной опорой – как принц-консорт

в Англии.

Свадьба Анны имела большое внешнеполитическое значение – через этот брак Пётр получал возможность вмешаться в спор Дании и Голштинии, а также усилить свое влияние на Швецию. Но это венчание имело и важное внутривнутриполитическое значение. Если развернуть подписанный тогда брачный контракт, то можно найти в нем секретный пункт, который в момент подписания документа был скрыт от публики. Он гласил, **что при рождении мальчика супруги будут обязаны отдать его Петру для назначения наследником.**

Так Петр – после отказа в наследстве Екатерине – хотел решить судьбу трона. И для этого не пожалел любимую дочь. Вот когда было predetermined будущее единственного сына Анны, тогда еще даже не родившегося.

Сама Анна Петровна еще в 1721 году подписала отречение от всех прав на Российский престол, а в 1724 году – и на шведскую корону. Однако будущий сын Анны и Карла-Фридриха мог по закону претендовать сразу на три трона – в России, Шлезвиге и Швеции! Какую фантастическую империю он мог бы создать, воплотиться замыслы его деда в жизнь. Точнее, доживи Пётр до рождения внука от любимой дочери.

Но судьба не дала Петру такой возможности. В январе 1725 года он опасно заболел и незадолго до смерти начал писать: *«Отдайте все...»*

Далее продолжать не мог и послал за Анной, чтобы продиктовать любимой дочери свою последнюю волю; но, когда цесаревна явилась, император уже лишился языка. Есть предположение, что Петр хотел уже на смертном одре «из рук в руки» передать престол и судьбу дел своих именно Анне, возможно, даже, разорвав ее брачный контракт. Ведь, умирая в страшных физических муках, Петр все еще надеялся выкарабкаться, страстно, со слезами молился и отмахивался от подходивших к нему людей:

– После! После! Я все решу после!

Только Анну к нему уже не допустили те, кто имел собственные представления о будущем российского престола. Похоже, ее боялись почти так же, как ее великого отца. Боялась, в том числе, и родная мать, возведенная на трон Меншиковым при поддержке верных ему полков. Хотя в завещании Екатерина и назначила старшую дочь первым лицом в опеке малолетнего императора Петра II, но о российской короне для детей Анны и речи уже не было.

Зато бракосочетание герцога Голштинского с Анной совершилось с неприличной, по мнению всей Европы, поспешностью: уже в мае 1725 года, в Троицкой церкви на Петербургской стороне несмотря на траур по Петру и маленькой цесаревне Наталье Петровне, умершей от кори через два месяца после смерти отца. Новая императрица устроила дочери пышную свадьбу. Вскоре герцог был сделан членом вновь учрежденного Верховного Тайного Совета и вообще фор-

мально приобрел вес. Но – только формально.

Во всё время царствования Екатерины I Анна Петровна с супругом пребывала в Петербурге. Но как только императрица весной 1727 года скончалась, вертевший ею, как куклой светлейший князь Александр Меншиков поспешил избавиться от опасной соперницы. Анна действительно была категорически против планов князя выдать замуж его дочь Марию за малолетнего императора Петра II. Она пыталась убедить мать не делать этого и передать престол Елизавете. Но слишком многим Екатерина была обязана Меншикову, чтобы отказать ему в этом браке.

Аристократия же, ненавидевшая и Меншикова, и «приблудную» дочь Петра, сохраняла нейтралитет. Это позволило всесильному тогда будущему императорскому тестю буквально вытолкать молодую герцогскую чету в Киль. Больше Анна никогда не увидела России.

Уезжая, Анна так и не смогла получить ни своего приданого, ни дорогих вещей, подаренных на свадьбу, лишь сравнительно небольшую сумму денег, оставленных ей по завещанию матери. Это было еще одним мелким и мстительным поступком князя Меншикова, который соглашался выдать приданное только под расписку герцогини Голштинской, а Анна упорно ставила прежний «титл» – наследная принцесса Российская. С этим и отъехала на чужбину в обществе нелюбимого супруга, крайне недовольным «высокомерным упрямством» Анны Петровны.

И началась мучительная для Анны жизнь в Киле. С мужем ее связывала только беременность, а все надежды герцогиня возлагала на оставшуюся в России сестрицу Елизавету и на рождение сына. О дочери она и думать не желала. Герцог же не желал думать вообще ни о чем.

«Многочисленные свои досуги, – писал Ф. Берхгольц в своих дневниках, – Карл наполняет или попойками, или пустейшими препровождениями времени. Он учреждает из своих придворных то форшнейдер-коллегию, то тост-коллегию, устав которой определяется мельчайшими подробностями всякого ужина. Вдруг устанавливается им какой-нибудь орден „виноградной кисти“, а через несколько времени – „тюльпана“, или „девственности“, и он с важностью жалуует шутовские их знаки некоторым приближенным».

Из этого описания становится понятным, в кого пошел будущий император всероссийский Пётр III, обормотство которого приводило впоследствии в изумление даже его родную и любящую тетушку, императрицу Елизавету Петровну.

Одиночество стало уделом беременной к тому времени герцогини Анны. Она, всю жизнь окруженная вниманием и заботой, не привыкла к такому обращению и стала писать жалобные письма домой, сестре Елизавете. Унтер-лейтенант русского флота С. И. Мордвинов вспоминал, что когда Анна передавала ему с оказией письма в Россию, то горько плакала. В одном из писем, которое привез Мордвинов, было сказано:

«Ни один день не проходит, чтобы я не плакала по вас, дорогая моя сестрица!»

10 февраля 1728 года у Анны Петровны родился сын, которому дали имя Карл-Петер-Ульрих и для которого кильский магистрат изготовил серебряную колыбель, обитую внутри синим бархатом. Горожане ликовали, но Анна Петровна не слышала радостных возгласов и не видела бесчисленных фейерверков в честь желанного сына.

После родов она чувствовала себя очень плохо, ее бросало то в жар, то в холод. 15 марта 1728, едва достигнув двадцатилетнего возраста, герцогиня умерла от открывшейся скоротечной чахотки. В последний день своей жизни она горела жаром, металась в бреду, просила вина. Но выпить его она уже не могла.

«Ее сокрушила тамошняя жизнь и несчастное супружество», – писала впоследствии в своих «Записках» Екатерина II о смерти герцогини Анны в Киле. И, пожалуй, была совершенно права. Крах всех амбициозных планов, жизнь в крохотном городишке, дурак и пьяница муж... Борьба за жизнь не имело никакого смысла.

Перед смертью Анна просила об одном – похоронить ее «подле батюшки». Последнюю волю герцогини могли и не исполнить – в России уже дули другие ветры. Но в Петербурге, жило множество людей, которые не забыли дочь своего царя. В Киль из Петербурга за прахом Анны направились корабль «Рафаил» и фрегат «Крейсер». Под сенью Ан-

древесного флага любимая дочь Петра пустилась в последнее плавание домой.

Ее похоронили в Петропавловском соборе 12 ноября 1728 года рядом с ее державными родителями. Как она и хотела.

Из Москвы, куда переехал двор нового юного императора Петра II Алексеевич на похороны не приехал никто. Не было даже сестры Лизоньки, которая уже успела выплакать свою горе за несколько дней после получения известия о смерти Анны и уже снова беззаботно веселилась на охотах и балах.

Но с Анной Петровной, русской цесаревной и голштинской герцогиней, пришли проститься корабельные мастера, офицеры, моряки – словом, верные товарищи и сослуживцы русского корабельного мастера Петра Михайлова. Им было невесело: Петропавловский собор стоял недостроенный, всюду по городу виднелись следы запустения, великую стройку бросили на произвол судьбы...

Анна Петровна могла бы стать русской императрицей... Но после внезапной смерти юного императора – внука Петра Великого, российская знать призвала на престол совсем другую Анну – Иоанновну. И дела Петровы, как и его заветы, были надолго забыты. Лишь десять лет спустя на российском престоле оказалась младшая «дочь Петрова» – Елизавета, которая объявила своего единственного племянника наследником русского престола, женила его на немецкой принцессе Софии Фредерике Августе (будущей императрице Екатери-

не II), а девочке, родившейся от этого брака, дала имя Анна...

И еще: в память о безвременно почившей Августейшей супруги, герцог Голштейн-Готторпский Карл-Фридрих в 1735 году учредил придворный орден Святой Анны четырех степеней с бриллиантовыми знаками. Но историки связали его появление с правлением Анны Иоанновны, не имевшей к нему ровно никакого отношения и получившей звание «Кровавой».

Анна Первая в России так и не появилась.

Самобытный сподвижник просвещения

Именно так назвал Михаила Васильевича Ломоносова Александр Сергеевич Пушкин, всю жизнь бывший его большим почитателем. «Уважаю в Ломоносове великого человека, но, конечно, не великого поэта, – писал он. – Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет; он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом».

Трудно не согласиться с этим определением, хотя и по-этом для своего времени Ломоносов был – неординарным. Не признавая того, Пушкин учился у него мастерству, как и у Державина, и у Тредьяковского. Но личность Ломоносова сама по себе настолько велика и значительна, что званием «поэта» он мог спокойно пренебречь. У него было предостаточно других заслуг перед Россией.

И – совершенно необычная по тем временам судьба, многое в которой по сей день остается неразрешимой загадкой. Начиная с рождения...

Многие исследователи биографии Ломоносова очень любят версию о том, что поморец Михаил был на самом деле... внебрачным сыном Петра Великого. Царь действительно бы-

вал в Архангельске, да не просто бывал – работал на корабельной верфи, как простой плотник.

И сам Михаил Ломоносов буквально боготворил Петра I. Уже в достаточно зрелом возрасте написал: *«Ежели человека, Богу подобного по нашему понятию найти надобно, кроме Петра Великого – не обретаю!»*

Версия, конечно, романтичная, но в России к царю-реформатору было два отношения: его либо боготворили, либо ненавидели. А главное – не совпадают даты. Пётр был в Архангельске трижды: в 1693, 1694 и 1702 годах. Более он туда не ездил, а год рождения Михаила Ломоносова – 1711 – встретил в Петербурге, откуда уехал в Москву до марта.

Родители нашего героя обвенчались в конце 1710 года, а сын их родился в ноябре 1711 года. Не получается красивой истории о юной непорочной девице, согрешившей с царем и спешно выданной им замуж. Не получается еще и потому, что у Петра была привычка задираТЬ подол любой приглянувшейся ему даме или девице, не утруждая себя даже тем, чтобы узнать их имена. А уж выдавать замуж, да еще печься о незаконнорожденных отпрысках... Их у великого царя было столько, что казна бы оскудела.

Романтическую версию обычно подкрепляют наблюдением, что Василий Ломоносов не любил своего первенца. Но такое случается сплошь и рядом и ничего сверхъестественного в этом нет. Маловероятно, но все же допустимо, что мать Михаила согрешила и зачала ребенка от кого-то

еще. Но только не от Петра Великого.

Поскольку у нас почему-то очень любили подчеркивать заухалость происхождения Ломоносова, то представляли его «сыном бедного рыбака из нищей деревни». И это – тоже легенда. Ломоносов-отец вовсе не был бедняком: ему принадлежал солидный земельный надел (подтверждено документально).

Мало того, в воспоминаниях его современника сказано, что он *«промысел имел на море, по мурманскому берегу и в других приморских местах для лова рыбы трески и полтосины на своих судах, из коих в одно время имел немалой величины гукор с корабельною оснасткою, всегда имел в том рыбном промысле счастье, а собою был простосовестлив и к сиротам податлив, а с людьми обходителен, только грамоте неучен...»*

В биографии Ломоносова, предворяющей собрание его сочинений, изданное в 1784 году написано, что Василий Ломоносов был *«промыслом рыбаком... и первый из жителей сего края соорудил и по-европейски оснастил на реке Двине под своим селением галиот и прозвал его „Чайкою“; ходил на нем по сей реке, Белому морю и по Северному океану для рыбных промыслов и по найму возил разные запасы казенные и частных людей города Архангельска в Пустозерск, Соловецкий монастырь, Колу, Кильдин, по берегам Лапландии, Семояди и на реку Мезень».*

Какой же это крестьянин или даже простой рыбак? Это –

уже зажиточный купец, почти промышленник. Потому и выдали за него замуж дочь дьякона Елену Сивкову. Такие невесты были не для «сиволапых мужиков». Елена умерла, когда ее сыну было девять лет. Василий после этого ещё дважды женился, но сыновей у него больше не было, только одна дочь.

Тем не менее, относился он к единственному сыну очень сурово, часто бил его – и Михаил, скорее всего, особой нежности за это к отцу не испытывал. Но в России тех времен с детьми вообще не миндальничали, даже в дворянских семьях порой подвергали еженедельной порке – для профилактики, повторяя при этом церковное наставление: «Не уставай, бия младенца». Вот Василий и не ленился, поучая единственное чадо.

Как только Михаилу исполнилось десять лет, отец стал его брать с собою на рыбную ловлю в Белое море и Северный океан. Парень рос здоровым и сильным, а в Поморье передача навыков от отца к сыну опять же была совершенно естественным и обычным делом. Трудиться тут начинали рано, а заканчивали, как правило, только со смертью.

Академик В. И. Вернадский, посвятивший немало времени изучению жизни и деятельности Ломоносова, отмечал, что:

«Влияние природы русского севера легко усмотреть не только в языке Ломоносова, но и в его научных интересах: вопросы северного сияния, холода и тепла, морских путеше-

ствий, морского льда, отражения морской жизни на суше – все это уходит далеко вглубь, в первые впечатления молодого помора...»

Работы мальчик не чурался, наоборот, очень быстро приобрел навыки отличного рыбака и морехода. Но... зимы на Севере долгие, а у юного Ломоносова годам к 12 прорезалась неудержимая тяга к знаниям. Толчком к этому послужили обнаруженные им в доме односельчанина две *недуховные* книги: «Грамматика» Смотрицкого и «Арифметика» Магницкого.

До этого Михаил – напомним, внук дьякона, уже был обучен церковнославянскому языку и, по воспоминаниям современников, был *«...лучшим чтецом в приходской своей церкви. Охота его до чтения на клиросе и за амвоном была так велика, что нередко бывал бит от сверстников по учению за то, что стыдил их превосходством своим...»* Обладая редкой памятью, Ломоносов запоминал, например, жития святых с первого же прочтения и мог тут же внятно пересказать прочитанное своими словами.

Быть бы ему священником, но... Грамматика с арифметикой просто перевернули его жизнь и оказали самое решительное влияние на дальнейшие планы. Только не так-то просто оказалось их осуществить. И с присноизвестным обозом в Москву отправился отнюдь не румяный отрок, а *девятнадцатилетний* здоровенный малый, у которого уже всю пробивались усы и борода, и которого отец, не шутя, со-

бирался женить.

Грустно расставаться с еще одним привычным образом, правда? С шагающим за саями мальчуганом с готовальней за пазухой? Но, тем не менее, добавлю еще капельку горечи любителям романтики: в белокаменную Ломоносов явился в 1730 году, когда не только Петр Великий, но и его супруга Екатерина уже скончались. И никакой готовальни с собой не имел. Да и кому было дело до поморского увальня, будь он хоть трижды царским сыном? Тут законной дочери Петра несладко приходилось. Нет, сам Михаил Васильевич пробил себе дорогу в науку – лбом прошиб. Поступил учеником в школу при Заиконоспасском монастыре со «стипендией» три копейки (как тогда говорили – алтын) в день.

Копейка – на хлеб с квасом, две копейки – на все остальное. Проще говоря – лютая бедность. Да и отец слал письмо за письмом с просьбой возвратиться, стать наследником «кровавым потом нажитого» состояния – немало! – жениться на девице из достойной семьи, а таких семей, которые за счастье почли бы породниться с Ломоносовыми – много. Да, посещал иногда Михаила соблазн бросить все и вернуться к нормальной жизни богатого помора.

«Обучаясь в Спасских школах, имел я со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели» – писал позже Ломоносов, вспоминая о первых своих шагах в науку. Ведь поступил он в низший класс школы почти двадцатилет-

ним – вот смеху-то было среди его одноклассников. *«Смотрите-де, какой болван здоровенный пришел латыни учиться!»* – вспоминал об этом тяжелом для него времени Ломоносов.

Но подобные неприятности были слишком мелкими, чтобы остановить тягу Ломоносова к знаниям. Он сутками сидел над книгами – и по прошествии первого же года был переведен через второй класс в третий. А по прошествии двух лет был уже в состоянии не только свободно читать по-латыни, но даже писать небольшие стихотворения на языке древних римлян. И на этом не успокоился.

«Тогда начал учиться по-гречески, а в свободные часы, вместо того чтобы, как другие семинаристы, проводить их в резвости, рылся в монастырской библиотеке. Находимые в оной книги утвердили его в языке словенском. Там же, сверх летописей, сочинений церковных отцов и других богословских книг, попало в руки его малое число философических, физических и математических книг. Заиконоспасская библиотека не могла насытить жадности его к наукам...», – писал один из первых биографов Ломоносова.

Позднее многие исследователи изумлялись тому, что «крестьянский сын» был принят в Заиконоспасскую школу: подобных прецедентов не было. Более того, указ Святейшего Синода от 7 июня 1723 года строжайше запрещал принимать туда крестьянских детей, а Михайло был принят вопреки этому запрету в январе 1731 года. Опять поминали мифи-

ческое родство с уже покойным императором Петром и связанную с этим «протекцию свыше». На самом деле все было проще: Ломоносов назвался сыном священника, а проверять происхождение «абитуриентов» тогда еще не вошло в обычай. Тем более что грамотных крестьянских детей практически не было – тогда многие дворянские отпрыски были неграмотны!

И тут произошло еще одно чудо, на которые так богата жизнь Ломоносова. Президентом Академии наук, открытой еще супругою Петра Екатериной I через полгода после его смерти, в декабре 1725 года, был назначен барон Корф – один из любимцев царствовавшей в то время императрицы Анны Иоанновны. До этого Академия буквально прозябала, попадая в руки совершенно случайных и далеких от науки лиц.

Барон же Корф, ни слова не знавший по-русски, хорошо понимал важность для России распространения просвещения. И обратился к Сенату (а на самом деле, к императрице) с просьбой:

«Не соблаговолено ли будет приказать, чтобы из монастырей, гимназий и школ в здешнем государстве двадцать человек чрез означенных к тому от Академии людей выбрать, которые столько научились, чтоб с нынешнего времени они у профессоров сея Академии слушать и в вышних науках с пользою происходить могли».

Сенат, раболепно утверждавший все, что приказывала

императрица Анна, естественно, дал свое согласие и указал при этом на Заиконоспасский монастырь. После чего барон Корф, не слишком-то полагавшийся на русскую педантичную исполнительность, обратился непосредственно к архимандриту этого монастыря Стефану с просьбою *«прислать отроков добрых, которые бы в приличных к украшению разума науках довольное знание имели и вам бы самим честь и отечеству пользу учинить могли»*.

В школе выбрали дюжину «остроумия не последнего» учеников и препроводил их в Петербург. В их числе оказался и Ломоносов, которого до просьбы-приказа Корфа прочил в священники сам архиепископ Феофан Прокопович, человек весьма просвещенный и о просвещении России радевший. Но судьба распорядилась иначе.

Еще в 1735 году тот же барон Корф тщетно искал иностранцев – астронома и химика, сведущих, к тому же и в горном деле, чтобы послать их исследовать Сибирь, чрезвычайно занимавшую воображение президента Академии наук. Таковых не обнаружилось. Тогда Корф решил пойти путем великого Петра: выучить собственных специалистов за границей.

Сенат – разумеется! – удовлетворил просьбу барона и выделил 1200 рублей на годовое содержание и обучение трех молодых людей. Ими оказались трое из «добрых отроков», присланных в Петербург – Виноградов, Ломоносов и Райзер. В сентябре 1736 года они отправились на корабле в Герма-

нию.

Там Ломоносов пробыл пять лет: около трех лет в Марбурге, обучаясь у знаменитого профессора Вольфа, и около года в Фрейберге, у горного советника Генкеля (с которым, кстати, категорически не сошелся характерами и неоднократно весьма недвусмысленно выражал свой протест).

Последнее, кстати, тоже вызывает недоумение у некоторых исследователей: как это «забитый крестьянский сын» позволял себе такое поведение? Не-е-т, это точно – царский побочный сынок, и нравом в батюшку. Нравом Ломоносов действительно был в отца – Василий Дорофеевич был крутенок и скор на расправу, а поморы, не знавшие ни татаро-монгольского ига, ни крепостного права, вообще отличались гордым и независимым характером. Так что ничего удивительного не было в том, что, например, в ответ на приказание Генкеля растирать в ступке соли ртути, Ломоносов дважды наотрез ответил: «Не хочу!» И вообще, как жаловался впоследствии профессор «... *страшно шумел, колотил изо всей силы в стену, кричал из окна, ругался...*»

Кстати, и профессор Вольф, у которого Ломоносов слушал философию, логику, математику и физику, и профессор Дуйзинг, преподававший ему химию, были самого высокого мнения о способностях и прилежании русского студента, о чем и отписали в своих отчетах в Петербург. Так что на жалобу Генкеля там просто не обратили внимания. Эка невидаль – русский поскандалил! Важно, что в науках прилежен.

Ломоносов не сразу покинул город, где преподавал Генкель, еще и потому, что случился у него роман с дочерью его квартирной хозяйки – Елизаветой Христиной Цильх. Девушка забеременела и пришлось сочетаться законным браком – к таким вещам Ломоносов относился как серьезный и порядочный человек. И хотя не сразу выписал жену с ребенком к себе, когда вернулся в Россию, то произошло это исключительно из-за стесненных материальных обстоятельств, в которых он оказался по приезде на родину.

Из Германии Ломоносов вынес не только обширные познания в области математики, физики, химии, горном деле, но в значительной степени и общую формулировку всего своего мировоззрения. В 1739 году Ломоносов послал в Академию две новые диссертации, одну по физике, а другую по химии. Обе были приняты весьма благосклонно.

В Россию Ломоносов вернулся в 1741 году. По дороге домой с ним произошло совершенно необъяснимое явление: ему приснился его отец, погибающий на безвестном острове после кораблекрушения. Отец просил сына похоронить его по-христиански.

Едва пристали к берегу, Михаил Васильевич сообщил в Архангельск совершенно точное место, где следует искать пропавшего без вести отца. Поморы поплыли на остров, действительно нашли тело Василия Ломоносова и похоронили его. По-видимому, духовная связь отца и сына Ломоносовых оказалась гораздо прочнее, нежели их видимые реальные от-

ношения.

Время для возвращения на родину оказалось не самым удачным: только что скончалась императрица Анна Иоанновна и наследником престола был «назначен» (другого слова и не подберешь), грудной младенец, сын ставшей «правительницей» Анны Леопольдовны – племянницы покойной императрицы. Малообразованная, ленивая, занятая только своим любовником – саксонским посланником Морисом Линаром, «правительница» скорее всего даже не подозревала о существовании Академии наук.

Но о самом Ломоносове она знала – ко дню рождения малолетнего императора Иоанна VI Антоновича, 12 августа 1741 года, Ломоносов написал и прислал в Петербург оду, которая была напечатана в тогдашних «Примечаниях к «Петербургским ведомостям». А вскоре после победы русских войск над шведскими в одной из тех мини-войн, которые тогда непрестанно вела Россия, прислал и напечатал в тех же «Примечаниях» хвалебное стихотворение под заглавием «Первые трофеи Его Величества Иоанна VI».

Холодные, напыщенные, неуклюжие и тяжеловесные с точки зрения современного читателя, эти вымученные произведения достигли своей цели: двор обратил на молодого ученого и поэта благосклонное внимание. Пришлось и новому главе Академии, Даниилу Шумахеру, чьей единственной заслугой была женитьба на дочери царского повара, считаться с этим вниманием. Иначе неизвестно, как сложилась бы

дальнейшая судьба Ломоносова-ученого.

Младенец-император «правил» считанные месяцы: в конце ноября того же 1741 года на престо в результате военного переворота взошла «дщерь Петрова» – Елизавета. Сама едва-едва одолевшая грамоту, она свято блюла заветы отца о покровительстве наукам, и уже в январе следующего года секретарь канцелярии Академии получил следующее высочайшее постановление:

«Понеже студент Михаиле Ломоносов, специмен своей науки еще в июле месяце прошлого 1741 году в конференцию подал, который от всех профессоров оной конференции так апробован, что сей специмен и в печать произвестъ можно; к тому ж покойный профессор Амман его, Ломоносова, канцелярии рекомендовал; к тому же оный Ломоносов в переводах с немецкого и латинского на российский язык довольно трудился, а жалованья и места поныне ему не определено; то до дальнего указа из правительствующего Сената и нарочного Академии определения быть ему, Ломоносову, адъюнктом физического класса. А жалованья определяется ему с 1742 года января с 1 числа по 360 рублей на год, считая в то число квартиру, дрова и свечи...»

Гладко было на бумаге... Должность Ломоносов получил, но денег у Академии не было, и за два последующих года новоиспеченный «адъюнкт физического класса» получил едва ли десятую часть того, что ему причиталось. Так что выписывать к себе семью из Германии он никак не мог.

Зато со вступлением на престол Елизаветы расцветает поэтический дар Ломоносова, поскольку он уже не вымучивал из себя стихи, а писал от сердца. И было за что прославлять: в 1747 году Елизавета, например, утвердила новый устав для Академии Наук и Академии Художеств. В оде императрице по этому поводу «Радостные и благодарственные восклицания Муз Российских» Ломоносов прославлял императрицу за покровительство наукам и искусствам и тут же упоминает добрым словом Петра Великого и науки, «божественные чистейшего ума плоды». Это уже не воспевание «ратных подвигов» грудного младенца, это – четко выраженная собственная позиция.

Вступив в должность адъюнкта, Ломоносов почти тотчас же предложил устроить химическую лабораторию, которой до сих пор еще не было при Академии наук. Но к реализации этого предложения приступили лишь семь лет спустя: торопиться на Руси никогда не любили, особенно если не видели в этом прямой и немедленной выгоды.

А денежные дела Ломоносова слегка выправились лишь через два года. Тогда и приехали к нему жена с дочерью, чтобы навсегда остаться в России. Дочь Елена вышла замуж за Алексея Алексеевича Константинова, домашнего библиотекаря императрицы Екатерины Второй. А дочь от этого брака Софья стала генерала Николая-Николаевича Раевского-старшего, героя Бородина и отца Марии Волконской, первой «декабристки». Какие причудливые узоры ткёт Судьба!

В 1744—1745 годах Ломоносов проявил невиданную энергию и работоспособность. Помимо четырех собственных оригинальных научных работ, он перевел с немецкого книгу своего учителя Вольфа «Сокращенная экспериментальная физика» и снова подавал прошение о необходимости химической лаборатории, причем прилагал и подробный проект ее устройства. Сенат отреагировал на прошение положительно и утвердил Ломоносова в звании профессора химии.

После начавшегося, наконец, строительства химической лаборатории Ломоносов, воспользовавшись очередным торжественным собранием Академии наук, произнес свое знаменитое «Слово похвальное императрице Елизавете Петровне». Сама императрица в этом славословии мало что поняла, лишь милостиво головой кивала, но ее новый молодой фаворит Иван Шувалов, человек образованный и тяготеющий к наукам, стал откровенно покровительствовать Ломоносову. А что нравилось «Ванечке», тем немедленно начинала восхищаться Елизавета. И всячески потакала своему любимцу.

Например, годами тянувшийся вопрос об открытии Московского университета, был решен в десять минут, едва лишь фаворит после очередной беседы с Ломоносовым, обратился к императрице. Она не только повелела создать университет по проекту ученого, который взял за образец университеты иностранные, но и отпустила на это значительную

сумму, а открытие столь важного для России учебного заведения приурочила ко дню именин матери «Ванечки». «Татьянин день» – это ведь оттуда, это в память последней любви стареющей Елизаветы.

И устройство химической лаборатории стараниями того же Шувалова сдвинулось с мертвой точки. Впрочем, кое-что для этого сделал и сам Ломоносов. В 1748 году написал новую «Оду на день восшествия на престол Ее Величества государыни императрицы Елизаветы Петровны». Ода так понравилась государыне, что та пожаловала Ломоносову «две тысячи рублей в награждение».

Неожиданно полученные деньги дали возможность расплатиться с незаметно накопившимися долгами, а в феврале 1749 года Ломоносов с удовлетворением отмечал, что лаборатория *«уже по большей части имеет к химическим трудам надлежащие потребности и в будущем марте месяце, как скоро великие морозы пройдут, должна будет вступить в непрерывное продолжение химических опытов»*.

1748 год вообще был особенно удачным для Ломоносова в литературном плане. Было, наконец, издано его «Краткое руководство к красноречию, книга первая, в которой содержится Риторика, показывающая общие правила обою красного речия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки».

Сколько бы ни обвиняли недоброжелатели Ломоносова в том, что большая часть его «Риторики» заимствована

у древних римлян и современных немецких ученых, этот труд, несомненно, внес огромный вклад в развитие российской словесности. Во-первых, «Риторика» была написана по-русски, тогда как ранее преподавалась исключительно на латыни. Во-вторых, в книге – для подтверждения различных риторических правил – приводилось множество примеров стихотворных и прозаических произведений, оригинальных и переводных, причем переводы были также выполнены Ломоносовым.

Но главное заключалось в том, что ему удалось собрать в своей книге все лучшее, что имелось в то время в весьма скудной русской светской литературе. И, наконец, книга была написана таким великолепным и внятным языком, что даже полвека спустя потомки читали «Риторику» и восхищались ею. Им, как и Державиным, зачитывались чуть не вплоть до самого Пушкина.

И даже много позже о литературном творчестве Ломоносова высоко отзывался Виссарион Белинский:

«Во времена Ломоносова нам не нужно было народной поэзии; тогда великий вопрос – быть или не быть – заключался для нас не в народности, а в европеизме... Ломоносов был Петром Великим нашей литературы... Не приписывая не принадлежащего ему титла поэта, нельзя не видеть, что он был превосходный стихотворец, версификатор... Этого мало: в некоторых стихах Ломоносова, несмотря на их декламаторский и напыщенный тон, промелькивает ино-

гда поэтическое чувство – отблеск его поэтической души... Метрика, усвоенная Ломоносовым нашей поэзией, есть большая заслуга с его стороны: она сродна духу русского языка и сама в себе носила свою силу... Ломоносов был первым основателем русской поэзии и первым поэтом Руси»

Тут следует отметить, что с 1749 года в деятельности Ломоносова начались заметные изменения. Не оставляя занятий естественными науками, продолжая создавать научные (и не только) литературные произведения, он постепенно приступил к практическим делам, то есть стал воплощать в жизнь новейшие научные достижения – не только свои, но и других ученых того времени.

Позже Александр Сергеевич Пушкин подчеркнул необычайное разнообразие трудов Ломоносова:

«Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшей страстью сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник».

В первый же год существования химической лаборатории Ломоносов придал своим работам сугубо практический характер. Прекрасно понимая, что в мало просвещенной, чтобы не сказать – невежественной – тогда России заслуги науки признавались лишь тогда, когда ее открытия имели непосредственное отношение к повседневной жизни, ученый стремился убедить общество в пользе, приносимой науками вообще.

Уже в январе 1749 года он приступил к опытам, «до крашения стекол надлежащим». С тех пор работы по изысканию новых, более совершенных способов приготовления красок для стекол велись непрерывно. Результаты же современники могли воочию узреть в созданных впоследствии великолепных мозаиках.

И остается только удивляться работоспособности ученого, которого постоянно отвлекали на рассмотрение и исправление различных переводов, сочинения стихотворных надписей к иллюминациям, сочинение по приказанию императрицы двух трагедий: «Тамира и Селим» и «Демофонт», довольно, кстати, бездарных.

Зато безусловно успешным было изобретение Ломоносовым новых физических инструментов и производство многочисленных физических и химических опытов, а также обучение студентов и борьба с недоброжелателями «от науки». Сам Ломоносов явно тяготел именно к физике и химии, но это не мешало ему писать и публиковать весьма смелые по тем временам научные трактаты: «Слово о происхождении света» (1756), «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (1753), «Русская Грамматика» (1755) и так далее.

Объективности ради следует сказать, что заслуги Ломоносова были в какой-то мере оценены Елизаветой: он был пожалован в коллежские советники и получил дворянство. Это заткнуло рты многим недоброжелателям: императрица, как

и ее великий отец, почитала людей по уму, а не по древности рода, а спорить с самодержицей, идти наперекор ее воле было чрезвычайно мало охотников. Но по-настоящему идеи и начинания Ломоносова, как естествоиспытателя, при его жизни были поняты и оценены лишь очень немногими учеными, такими, например, как известный математик Эйлер.

Не понимали и не ценили трудов Ломоносова даже его коллеги в Академии. Заговорили о «народном самородке» лишь через 90 лет после его смерти, когда пришлось вспомнить, что Ломоносов был основателем Московского университета... На сами же труды Ломоносова обратили надлежащее внимание лишь в 1900 году, когда исполнилось 150 лет со дня основания им первой русской химической лаборатории.

Что ж, прав был поэт – «большое видится на расстоянии». Об этом можно только пожалеть, так как работы Ломоносова за первые 10 лет академической службы были действительно необычайно глубоки и серьезны. Со всею очевидностью это обнаружилось лишь в самое последнее время, благодаря многочисленным детальным исследованиям целого ряда специалистов.

Академик Вальден, например, в «Ломоносовском Сборнике» (СПб., 1911) чтения» писал:

«Если мы сравним гигантскую программу физико-химических опытов Ломоносова с современным состоянием физической химии, то нас прямо поразит общность научно-

го материала задуманной Ломоносовым и созданной в продолжение 150 лет физической химии... Даже новейшая область физикохимии, химия коллоидов, Ломоносова не забывается; им уже предчувствуется связь химии с электричеством... Его взгляды настолько современны, и изложение их настолько свежо, что при чтении их мы забываем, что полтора столетия разделяют нас, современных физико-химиков, от того, кто может быть назван „отцом физической химии“... Особенно нас, химиков, привлекают его взгляды на происхождение янтаря, его гипотезы образования каменного угля, смолы, асфальта и нефти... Мне кажется, Ломоносов еще до времен Лавуазье мог бы легко создать свою эпоху химии. Будь он верный и терпеливый исполнитель всех намеченных им теоретических и экспериментальных планов, он совершил бы перерождение химии не в химию конца XVIII века: его новая химия явилась бы соперницею физической химии конца XIX века».

В том же сборнике профессор Меньшуткин писал:

«Наиболее удачно разработаны Ломоносовым два основных вопроса физики: о сущности тепла и о газообразном состоянии тел. Согласно его механической теории теплоты, последняя есть внутреннее невидимое движение тел, именно движение составляющих их частичек; при помощи ее Ломоносов удовлетворительно объяснил все явления, связанные с теплотой, и совершенно отвергал существование тепловой материи или теплотвора, который признавался

всеми учеными до 60-х годов XIX века. Лишь через 110—120 лет после Ломоносова начинает распространяться ныне общепринятое воззрение на теплоту как на движение частиц тепла. Ломоносов интересовался не только грозами, но и метеорологией в ее целом, вполне сознавал всю важность предсказания погоды и стремился устроить метеорологические станции, пытался при помощи самопишущих инструментов исследовать верхние слои атмосферы: эти мысли были осуществлены только в самом конце XIX столетия. В последние годы жизни он отдается исследованию силы тяжести при помощи маятников; пишет большое руководство ученого мореплавания с многочисленными новыми приборами; составляет диссертацию о ледяных горах, где проходит к совершенно верному выводу, что эти горы могут образоваться только у берегов морей из пресной воды; снаряжает морскую экспедицию для изучения северных морей. Наконец, он делает замечательное открытие даже в астрономии: при прохождении планеты Венеры через солнечный диск в 1761 г. Ломоносов увидел то, чего не заметили десятки астрономов, наблюдавших это явление, а именно, что планета Венера окружена большой атмосферой. И во всех этих работах мы видим, как и в более ранних, богатство новых идей и взгляды, зачастую приближающиеся к теперешним».

И, как итог, пространное выступление академика Вернадского:

«Среди всех работ Ломоносова в области геологии и минералогии резко выделяется его работа о слоях земных. Она является во всей литературе XVIII века – русской и иностранной – первым блестящим очерком геологической науки. Для нас она интересна не только потому, что связана с научной работой, самостоятельно шедшей во главе человеческой мысли, сделанной в нашей среде, но и потому, что она в значительной мере основана на изучении природы нашей страны; при этом она сделана раньше той огромной работы описания России, которая совершена была натуралистами, связанными с Академией Наук, в течение царствования императрицы Екатерины II...».

Небольшое отступление. Как-то исторически сложилось, что начало изготовления в России фарфора и создание соответствующей фабрики ставят в заслугу Михаилу Васильевичу Ломоносову. Да, в бумагах ученого сохранилось множество рецептов изготовления «порцелина», но первый фарфоровый завод по приказу императрицы Елизаветы был построен еще в 1744 году около Петербурга. И главная заслуга в изготовлении русского фарфора принадлежит выдающемуся русскому ученому, технологю и экспериментатору Дмитрию Ивановичу Виноградову, который одно время учился вместе с Ломоносовым. Но и только. Ломоносов занимался не фарфором – он со страстью отдавался мозаичному делу.

Его долгие хлопоты не сразу, но увенчались успехом.

В 1753 году Ломоносову удалось получить крупный заказ от императрицы Елизаветы. Ему поручено было украсить восемью мозаичными картинами многосложный и роскошный памятник Петру Великому; монумент предполагалось поставить в Петропавловском соборе.

Одна из картин, изображавшая Полтавский бой, была закончена и сдана. Но дальнейшая ее судьба, увы, неизвестна. Исчезла и вторая, незаконченная из-за смерти Ломоносова мозаика, изображавшая взятие Азова. Да и предполагаемый памятник Петру так и не был возведен – времена изменились.

В январе 1762 года скончалась императрица Елизавета, и на престол взошел ее племянник – Петр Третий, бывший герцог Карл-Петр-Ульрих Голштейн-Готторпский, до 11 лет воспитывавшийся своим отцом, супругом старшей дочери Петра Великого Анны, как законный наследник шведского престола. Елизавета забрала сироту-племянника, перекрестила его в православие и объявила цесаревичем наследником. А через три года нашла ему невесту – принцессу из захудалого немецкого Ангальт-Цербстского княжества Софию Фредерику Августу, во святом крещении – Екатерину Алексеевну.

Император Петр правил 186 дней и даже не успел короноваться. Военный переворот, наподобие того, который возвел на престол его ныне покойную тетку, сделал императрицей его супругу – в будущем Екатерину Великую. Перемены в го-

сударстве Российском были столь велики и значительны, что о памятниках, мозаике и науках вообще временно забыли.

Ломоносов напомнил о себе традиционной Одой, в которой сравнивал новую императрицу с Елизаветой, выражал надежду, что Екатерина II «золотой наукам век восстановит и от презрения избавит возлюбленный Российский род» и приветствовал начинания Екатерины в пользу русского просвещения и воспитания. В данном случае он не ошибся: новая императрица впервые после смерти Петра Великого занялась государственными делами во имя и во благо России. Екатерина могла бы поддержать многие начинания Ломоносова и собиралась это сделать. Но судьба распорядилась иначе.

С 1763 года Михаил Васильевич стал прихварывать и все реже выходил из дома. В июне 1764 года императрица, узнав о болезни Ломоносова, без предварительного оповещения и без доклада отправилась к нему домой в сопровождении княгини Дашковой и некоторых придворных. Ломоносов, не ожидавший никаких гостей, сидел в своем кабинете.

Императрица сразу увидела, что силы великого человека иссякают, и постаралась ободрить его: обещала всяческое содействие, приглашала «запросто» приезжать во дворец и обращаться со всеми просьбами непосредственно к ней. Ломоносов отблагодарил государыню за ее визит восторженными стихами, но для всего остального было уже слишком поздно.

Даже полученное известие о том, что он избран почетным членом Стокгольмской и Болонской академий наук, не смогло возродить в ученом ни сил, ни интереса к жизни. В апреле 1765 года, на второй день Пасхи, около пяти часов пополудни, Ломоносова не стало.

Он встретил смерть со спокойствием истинного философа. За несколько дней до нее сказал одному из своих друзей:

— Я вижу, что должен умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть; жалею только о том, что не мог совершить всего того, что предпринял для пользы отечества, для приращения наук и для славы Академии, и теперь, при конце жизни моей, должен видеть, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мною.

Похороны Ломоносова прошли с большою торжественностью, при огромном стечении народа, сенаторов и вельмож. Михаил Васильевич был погребен 8 апреля на кладбище Александро-Невского монастыря. Через год на могиле был поставлен памятник из каррарского мрамора с надписью на русском и латинском языках.

«Въ память славному мужу Михаилу Ломоносову родившемуся въ Колмогорахъ въ 1711 году бывшему статскому советнику Сѣ.-Петербургской Академіи наукъ профессору Стокгольмской и Болонской члену разумом и науками превосходному знатнымъ украшениемъ отечеству послужившему красноречія стихотворства и гистории російской учителю первому въ Россіи безъ руководства изобретателю прежде-

временною смертію отъ музъ и отечества на дняхъ святыя пасхи 1765 году похищенному».

Грустно и парадоксально, что для своих современников Ломоносов был прежде всего поэтом. Хотя следует признать, что в сфере русской поэзии он был чисто формальным реформатором: преобразователем литературного языка и стиха, который отчетливо осознавал, что литература не может идти вперед без формальной правильности в языке и стихе, без литературных форм. Но кто читал его академические статьи по этим вопросам? Лишь единицы образованных и заинтересованных в них россиян.

И тем не менее, новейшая орфография тех времен в наиболее существенных чертах создана именно Ломоносовым. Его «Русская Грамматика», его «Рассуждение о пользе книг церковных», «Письмо о правилах российского стихотворства», вместе с практическим осуществлением этих правил в собственном «стихотворстве» Ломоносова, раз и навсегда решили вопрос самого существования русской литературы. То есть сделали то, что в итальянской литературе произошло еще в XIV веке, во французской – в XV – XVI веках, в английской и немецкой – в XVI веке. Это следует помнить тем, кто упрекает Ломоносова в выпренности и холодности его собственной поэзии – для Михаила Васильевича рифмова-

ние как таковое имело крайне малое значение.

Впрочем, Ломоносов доказал, что русский язык позволяет писать стихи не только хореем и ямбом, но и анапестом, дактилем и сочетаниями этих размеров, что русский язык позволяет применять не только женские рифмы, но также и мужские и дактилические, позволяет чередовать их в самой различной последовательности. К своему письму о стихосложении он приложил «Оду на взятие Хотина», написанную еще в 1739 году. Впечатление от оды было подобно грому среди ясного неба – она поражала невиданной доселе гармонией, заставляла трепетать сердца, увлекала в выси...

В 1756 году Ломоносов отстаивал – увы, безуспешно! – права низшего русского сословия на образование в гимназии и университете. В 1759 году он составил устав для новых гимназий и Университета, причем опять всеми силами отстаивает права низших сословий на образование.

«Ученые люди, — доказывал Ломоносов, — нужны для Сибири, для горных дел, фабрик, сохранения народа, архитектуры, правосудия, исправления нравов, купечества, единства чистые веры, земледельства и предзнания погод, военного дела, хода севером и сообщения с ориентом».

Бывший рыбацкий сын, сам рыбак и мореход, знал, о чем так радел. Увы, как хорошо известно, нет пророка в своем отечестве. Считанные единицы сумели в какой-то степени повторить путь «архангельского мужика». Который, как писал Некрасов, «по своей и Божьей воле стал разумен и ве-

лик». Поэт, правда, не добавил, сколько высоких персон противилось этой самой воле...

И после смерти нашлись «доброжелатели». Поэт Александр Сумароков, довольно знаменитый в то время, изрек:

– Угомонился дурак и не будет более шуметь!

Наследник престола и будущий император Павел высказался еще категоричнее с «государственной», как ему казалось, точки зрения:

– Что о дураке жалеть, казну только разорял и ничего не сделал...

Не правда ли, в России мало что изменилось с тех времен? Об умерших великих людях по-прежнему можно услышать немало гадостей, хотя это – отнюдь не по-христиански. Но на это мало кто обращает внимание.

А с царем-преобразователем Петром Ломоносова сближает отнюдь не родство по крови, а неистовая любознательность, жажда «объять мыслью необъятное», настоящий, а не показной патриотизм.

Нет, не зря Московский университет назван именем Ломоносова. Великий помор и сам был, можно сказать, первым русским университетом.

По месту и честь.

Победителей не судят

Кто такой «генералиссимус»? Это высшее военное звание, которое обычно присваивалось полководцам, командовавшим на театре войны несколькими армиями. Впервые это звание появилось во Франции. Французский король Карл IX удостоил звания генералиссимуса своего брата, впоследствии короля Генриха III. А кто был первым российским генералиссимусом. Когда заходит речь о звании генералиссимуса, то сразу говорят об Александре Васильевиче Суворове. Однако он был совсем не первым полководцем, получившим это звание. История этого звания в России началась за двадцать один год до того, как оно было учреждено «Уставом воинским» 1716 года. Первым русским генералиссимусом стал в 1695 году князь Федор Юрьевич Ромодановский, потом, в 1696 году, полководец Алексей Семенович Шейн, который участвовал в Азовском походе, осаждал Азов, командуя сухопутными силами русских войск. Интересно, что когда 30 сентября 1696 года русские войска как победители входили в Москву, то в раззолоченных каретах впереди войска ехали два командующих – генералиссимус Шейн и адмирал Франц Лефорт, а за ними шел в пешем строю капитан Алексеев – царь Петр I. После официального учреждения звания генералиссимуса его носил Александр Данилович Меншиков, которому это звание пожаловал, как ни странно,

не сам Петр I, а его внук – малолетний Петр II. Но все эти люди отличились ратными подвигами. А вот кому это звание было присвоено незаслуженно, так это герцогу Антону Ульриху, который был мужем Анны Леопольдовны, регентши при младенце-императоре Иване Антоновиче, и никаких сражений не выиграл. Зато следующим генералиссимусом был великий полководец Суворов.

Величайший русский военачальник Александр Васильевич Суворов (впоследствии князь Италийский, граф Рымникский и Священной Римской империи, генералиссимус русской армии и генерал-фельдмаршал армии австрийской) родился в 1730 году в аристократической семье генерал-аншефа и сенатора Василия Ивановича Суворова, начинавшего, впрочем, свою службу денщиком у Петра I.

«Фамилия Суворовых, – отмечала Екатерина Великая в своих „Записках“, – давным-давно дворянская, спокон веков русская... Его отец был человеком неподкупной честности, весьма образованным...»

Екатерина, возможно, запомнила, что «весьма образованный человек неподкупной честности» в царствование императрицы Анны Иоанновны, будучи прокурором полевых войск, был командирован вместе с капитаном Ушаковым («великим российским инквизитором», – по отзывам современников) в Сибирь для производства следствия над находившимся в березовской ссылке семейством Долгору-

ких.

Следствие привело к тому, что князь Иван Долгорукий был четвертован, его младшие братья – заточены в крепость, а сестра Екатерина, «порушенная государыня», обрученная в свое время с императором Петром II, – насильственно пострижена в монахини. Василий Иванович Суворов за служебное рвение был удостоен повышения: назначен сенатором и генерал-губернатором завоеванной к тому времени части Пруссии.

Когда на трон взошел племянник императрицы Елизаветы, Петр III, Василий Иванович получил назначение в Сибирь губернатором. По каким-то одному ему известным причинам он туда не поехал, а принял самое активное участие в свержении Петра и возведении на трон Екатерины. А она, как известно, не забывала тех, кому была хоть чем-то обязана.

Его сын Александр, нареченный в честь Александра Невского, родился 13 ноября 1730 года. Хилое телосложение единственного сына и наследника несколько огорчило Василия Ивановича, и он уже приготовился отправить Александра служить «по гражданской части». Но мальчика неотвратимо влекло к себе военное поприще. С детских лет Суворов проявил тягу к военному делу, пользуясь богатейшей отцовской библиотекой, изучал артиллерию, фортификацию, военную историю. Большое влияние на судьбу Александра оказал друг семьи Суворовых, генерал Ганнибал,

прадед Пушкина, который, заметив тягу мальчика к военному делу и образованность, повлиял на его отца, чтобы тот избрал для сына военную карьеру.

Для того чтобы его заветная мечта – стать солдатом – исполнилась, Александр придумал и неукоснительно выполнял целую систему тяжелейших физических упражнений, а также старался закалить свое тело, сделать его невосприимчивым ко всякого рода воздействиям. Ему это удалось, хотя ни высокого роста, ни атлетического телосложения будущий великий полководец не обрел. Зато мог сутки напролет шагать с тяжелым ранцем, забираться чуть ли не на отвесные стены, спать на голой земле и питаться самой простой пищей. Впоследствии это стало поводом для анекдотов, но так было на самом деле.

Самое удивительное заключалось в том, что Александр к тому же стал человеком не просто образованным – высококультурным. Сам он обмолвился однажды, что ежели бы не был военным, то стал бы писателем – настолько хорошо владел он пером. Писал в основном на великолепном русском языке, хотя в совершенстве знал латынь, польский, турецкий, свободно объяснялся по-французски и по-немецки. Сохранилось более двух тысяч его писем, и считается, что примерно столько же утрачено.

Вот, например, его суждение о том, каков должен быть военачальник:

«Смел без запальчивости, быстр без опрометчивости, де-

ятелен без суетности, подчиняется без низости, начальствует без фанфаронства, побеждает без гордости».

Полная программа – и почти вся воплощена в жизнь самим ее автором.

Двенадцати лет от роду Александр был зачислен солдатом в лейб-гвардии Семеновский полк. Жить продолжал дома – таковы были дворянские традиции тех времен. Через пять лет, еще до явки в полк, получил звание капрала – и после этого началась его действительная служба. Ему исполнилось двадцать четыре года, когда он получил свой первый офицерский чин: по меркам того времени – очень поздно.

Возможно, это объяснялось тем, что Суворов слишком отличался от остальных офицеров: не околачивался без толку при дворе, не искал покровителей, не цеплялся за женские юбки. Зато солдаты его любили: никаких несправедливостей, а тем более унижений он не допускал, и если чего-то требовал, то сам же и подавал пример исполнительности.

В 1762 году, после нескольких побед над прусской армией Суворов был назначен командиром Астраханского пехотного полка. На следующий год – командиром Суздальского пехотного полка, который блестяще использовал опыт, накопленный Суворовым в боях против Фридриха Великого, и внес немалый вклад в разгром и первый раздел Польши.

По возвращении в Санкт-Петербург в 1773 году Суворов был произведен в генерал-майоры и отправлен на войну с турками в армию фельдмаршала Румянцева. Именно

там произошли первые встречи будущего генералиссимуса с Григорием Потемкиным – будущим князем Таврическим. Два великих человека не испытали взаимной симпатии.

Роскошно-ленивый великан Потемкин и юркий, сухощавый, насмешливый Суворов могли прекрасно дополнять друг друга, но сблизиться никак не могли. Эта невозможность впоследствии стоила России нескольких лишних месяцев осады турецкой крепости Очаков: Потемкин, тогда уже всемогущий фаворит Екатерины, просто-напросто удалил Суворова с поля боевых действий, а сам добиться быстрой победы не смог. Этого, кстати, он тоже Суворову не простил и не забыл.

Вообще у Суворова был необычайный талант – допекать вышестоящее начальство. Когда он считал приказы сверху глупыми, то преспокойно пренебрегал ими и доводил начатое до конца, причем всегда успешно. На гневный вопрос того же Потемкина, чем он изволит заниматься, насмешливо ответил:

«Я на камушке сижу, на Очаков я гляжу».

Однако жалобы на Суворова императрица, не слишком любя его сама, ни от кого не принимала. *«Победителей не судят»*, – начертала она на одном из донесений об очередной выходке строптивного генерал-майора, и на том дело было закрыто.

Опоздал он к победе только один-единственный раз, но и это опоздание оказалось весьма кстати. После окон-

чания первой турецкой кампании Суворов был направлен на Волгу, для усмирения пугачевского бунта, но поспел, что называется, «к шапочному разбору»: Пугачева уже схватили и отправили в Москву, мятеж дотлевал.

После этого Суворов не без гордости говорил, что нигде, кроме как на войне, не пролил ни капли человеческой крови. При подавлении отголосков пугачевского бунта *«не чинил ни малейшей казни, кроме гражданской, но усмирал «человеколюбивой ласковостью...»*.

Ослушаться он не смел только своего отца и, когда тот приказал сорокалетнему уже сыну жениться и озаботиться наследниками, безропотно обвенчался с избранной родителями невестой – княжной Варварой Ивановной Прозоровской, «Варютой». Жену, в общем, даже любил, потому что... *«жена человеку Богом дается как не любить?»*.

Та, правда, придерживалась несколько иных взглядов на семейную жизнь. После пяти лет относительного мира и согласия, за которые жена подарила ему сына Аркадия и дочь Наталью – любимицу, в супружеской жизни стали появляться трещины. По-видимому, Варвара Ивановна иначе представляла себе жизнь генеральши и богатой помещицы: сопровождать мужа в походах и делить с ним все «прелести» бивуачной жизни ей никак не улыбалось. Куда больше прельщало порхание по светским гостиным и... молодые любовники.

Суворов мог понять нелюбовь супруги к бытовым неудоб-

ствам, но измены дражайшей половины его, человека невероятно вспыльчивого, настолько вывели из себя, что он даже обратился в консисторию с прошением о разводе. Развода ему не дали, наоборот, стали навязывать примирение. Императрица не слишком стремилась поощрять супружеские добродетели, ибо сама в ту пору меняла фаворитов чуть ли не ежегодно.

Через несколько лет Суворов вновь подал прошение уже непосредственно в Синод, обвиняя жену в недозволенной связи с секунд-майором Сырохнеевым, причем обещал предоставить соответствующие доказательства. И снова ему было отказано, причем ни он, ни Варвара Ивановна оттого счастливы не были. Она – женщина безусловно светская – совершенно не подходила к роли жены «вечного солдата». Он плохо представлял себе супружескую жизнь врозь, а о его нахождении при дворе и речи быть не могло.

Разрыв Александр Васильевич переживал тяжело и после расставания с женой вообще не глядел на женщин. Хотя, по другой версии, он добивался развода потому, что хотел жениться на дочери одного из своих полковых командиров, которая сопровождала отца во всех походах, переодевшись в мужской костюм. Никаких подтверждений этому, правда, не существует – слухи и только.

Зато доподлинно известно, что Александр Васильевич обожал свою дочь – «Суворочку», которую устроил в Смольный институт пансионеркой и безмерно о ней тосковал.

Большую часть своего немалого состояния он завещал именно ей, остальное – сыну Аркадию, рано и трагически погибшему в одной из военных кампаний. Жена по завещанию не получала ничего, хотя всю жизнь Суворов содержал ее достаточно щедро.

А завещать было что. Суворовы считались богатыми помещиками, причем не выжимали из своих крепостных все соки, а, наоборот, всячески им покровительствовали. Сохранились письма, рассказывающие о его отношениях с крестьянами. В одном из них Суворов пишет:

«У крестьянина Михаила Иванова одна корова! Следовало бы старосту и весь мир оштрафовать за то, что допустили они Михайлу Иванову дожить до одной коровы! Купить Иванову другую корову из оброчных моих денег... Богатых и исправных крестьян и крестьян скудных различать и первым пособлять в податях и работах беднякам. Особливо почитать таких неимущих, у которых много малолетних детей. Того ради Михаилу Иванову сверх коровы купить еще из моих денег шапку в рубль».

Богатый человек, Суворов, тем не менее, презирал излишества в быту и не умел жить в роскоши и праздности. Не умел он жить и вне боевых действий. Оказавшись при императоре Павле в изгнании, сильно томился духом, искал утешения в молитвах, но милости просить не желал ни при каких обстоятельствах. Вспыльчивый по характеру, Александр Васильевич тем не менее умел себя сдерживать, когда

надо, и по пустякам, как сейчас сказали бы, «не заводился». Но если задевали его принципы – пощадить никому не было. Так, будучи главнокомандующим, Суворов вопреки всем правилам дипломатии сделал строгое внушение командующему австрийскими войсками:

«До сведения моего доходят жалобы на то, что пехота промочила ноги... Большой говорун, который жалуется на службу, будет отрешен от должности... Ни в какой армии нельзя терпеть таких!»

Суворов никогда не жалел о своем выборе жизненного пути, считая военную службу святым и естественным долгом дворянства. Уже в преклонном возрасте и больших чинах он осуждал закон, освобождавший дворян от обязательной службы, считая, что замещение офицерских вакансий иностранцами снижает боевые качества и моральный дух русской армии. Для него самого забота о благе Отечества и боеспособности армии была главной.

«Я заключал доброе имя мое в славе моего отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию. Никогда самолюбие, часто послушное порывам скоропереходящих страстей, не управляло моими деяниями. Я забывал себя там, где надлежало мыслить о пользе общей», – писал он одному из своих друзей незадолго до смерти.

Суворов провел более шестидесяти боев и сражений и ни одного не проиграл. Когда завистники пытались это объяснить просто везением, Александр Васильевич беззлобно

и благодушно отмахивался:

– Раз – везение, два – везение, на третий-то раз, помилуй Бог, может, и умение?

До 1779 года Суворов командовал войсками на Кубани и в Крыму, превосходно организовав оборону Таврического полуострова (Крыма). После присоединения Крыма к России в 1783 году ему было приказано привести к покорности ногайских татар, что и было исполнено, несмотря на немалые трудности. В 1786 году Суворов получил звание генерала-аншефа, а с началом новой турецкой кампании в 1788 году командовал обороной Черноморской побережья от устья Буга до Перекопа. В 1789 году, командуя дивизией в армии князя Репнина, Суворов наголову разбил турок при Фокшанах и Рымнике, за что получил орден святого Георгия 1 степени и титул графа Рымникского, а от австрийского императора – титул графа Священной Римской империи.

И это, пожалуй, был единственный случай, когда Суворову послали по его заслугам: за блестяще проведенное им взятие Измаила он – не без интриг светлейшего князя Потемкина – вместо ожидаемого фельдмаршальского жезла получил лишь звание подполковника лейб-гвардии Преображенского полка. Правда, полковником в этом полку числилась сама императрица Екатерина, но тем не менее...

Чин генерала-фельдмаршала Суворов все-таки получил, но лишь в 1794 году, после взятия Праги. Два года спустя его назначили начальником российских военных сил в юж-

ных и юго-западных губерниях, и здесь он довел до совершенства свою систему обучения и воспитания войск, а также дал окончательную редакцию своему блистательному военному катехизису «Наука побеждать».

Казалось, что для Суворова наступило время пожинать лавры, но... Скоропостижно скончалась императрица Екатерина, на престол взошел ее сын Павел, ярый поклонник всего прусского, и Александр Васильевич со свойственной ему резкостью выступил против нелепых нововведений и «усовершенствований» в столь любимой им русской армии.

Реакция последовала мгновенно: в 1797 году Суворов высочайшим повелением был отставлен от службы и сослан в свое имение под надзор полиции. Корреспонденция Суворова перлюстрировалась, ему не разрешено было выезжать дальше 10 км от села, обо всех его посетителях докладывалось. Историк Петрушевский писал:

«Из донесения видна домашняя жизнь Суворова. Он вставал за 2 часа до света, пил чай, обливался водою, на рассвете шёл в церковь, где стоял заутреню и обедню, причём сам читал и пел. Обед подавался в 7 часов, после обеда Суворов спал, потом обмывался, в своё время шёл к вечерне, после того обмывался раза три и ложился спать. Скромного он не ел, был весь день один и разговаривал лишь со своими людьми, несколькими отставными солдатами. Носил он обыкновенно канифасный камзолчик, одна нога в сапоге, другая (раненая) в туфле; по воскресеньям и другим празд-

*никам надевал егерскую куртку и каску; в высокаторже-
ственные дни куртку заменял фельдмаршальским мунди-
ром без шитья, но с орденами. Свой простой ежедневный ко-
стюм Суворов впрочем ещё упрощал до минимума: ходил без
рубашки, в одном нижнем белье, как дельвал обыкновенно
в лагерное время»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.